

АЛЕКСАНДРА НЮРЕНБЕРГ

Крылатое человекоподобное существо

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Александра Нюренберг

**Крылатое человекоподобное
существо. История одной семьи**

«Издательские решения»

Нюренберг А.

Крылатое человекоподобное существо. История одной семьи /
А. Нюренберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962599-1

В тыловом городе империи семья Аксаковских не желает откладывать жизнь на потом. Война вот-вот закончится. Специальные службы завалены делами, не все из которых им хотелось бы расследовать. Местный фольклор и свежие слухи иногда на удивление совпадают. А странности, как известно, тогда забавны, когда не касаются тебя и твоей жизни.

ISBN 978-5-44-962599-1

© Нюренберг А.
© Издательские решения

Содержание

Город и горы	6
Зеркало и Луна	16
Семья Аксаковских на вечеринке	28
Коттедж с привидениями	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Крылатое человекоподобное существо История одной семьи

Александра Нюренберг

Иллюстратор _Alicja_

Корректор Эстэр

© Александра Нюренберг, 2019

© _Alicja_, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-2599-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полк стоит, глаза потупив. Тень от лётчиков в пыли.

Тризна. В.Х.

Город и горы

– Это запрещено.

– Это приятно.

– Теперь, когда они насторожены и всюду ищут врагов...

– Теперь они заняты войной.

– У них, поверь, хватает времени. Я сам видел вчера, как в ущелье расстреляли какого-то человека.

– Молод, хорош?

– Ты неисправима.

Он не мог говорить об этом так просто, как она. Когда мужчине завязали глаза, прежде чем провести тайной тропой, тот дёрнул плечом – прядь, наверное, попала в узел, и поморщился. Он-то видел только светлые волосы и широкие плечи в окровавленной рубашке – с определённой точки высоты большего не разглядишь. Но, когда пуля неторопливо летела, ввинчиваясь в сумрачный, просквозжённый багровыми лучами воздух, у него возникло сильнейшее желание нарушить все правила... а, Баалзев с ними. «Вот это называется – нарваться, я понимаю». И он, глядя страдающими глазами, в которых пульсировали сведенные крест-накрест зрачки, приближающие происходящее с той тысячи метров, которая отделяла дерево на отроге, где он сидел, вцепившись когтями в кору, от маленького расстрельного плато там, в пропасти, – поднял ладонь.

Что за...

Он был озадачен, когда схваченная его взглядом пуля не сдвинулась ни на миллиметр. Что-то помешало ему, но что?

– Говорю тебе, ты плохо шутишь.

– Оу-м-м...

– И дошутишься. – С улыбкой и вздохом завершил он разговор.

Нельзя быть с ней рядом, смотреть на неё и не улыбнуться.

Он выкинул происшествие из памяти, хотя странность поведения пули осталась, как иголка в ней. Возможно, меня больше разозлила эта помеха, не давшая мне насмеяться над людьми в чёрной форме и проводником, старавшимся смотреть только в небо, нежели то, что не удалось спасти остаток жизни этого человека. Все мы холодны, как смёрзшийся снег на вершине. И я, что бы я ни говорил и как бы ни морализировал.

Но пуля... пуля. Впрочем, было и ещё что-то...

Он смотрел на неё искоса – вот она, тоненькая, вся чёрная, в сквозящей естественной позолоте и гибкая, как лебедь. Она сидела на поросшем травой камне, спустив длинные ноги, вокруг которых обвился хвост. Кончик его блуждал в траве у её пальчиков, таких аккуратных, заглядишься. Тёмные лёгкие тени грозно вздымались над её узкими плечами.

Личико, конечно, ужасное... хотя отчего бы? Есть в нём правильность, пугающая перевёрнутой логикой. Но эти чёрные острия по обе стороны головы сразу притягивают взгляд и раздражают воображение.

Омерзительно привлекательна.

Он выпрямился и, опираясь плечом, ответил на её внезапный вызывающий взгляд. Он попытался приобщиться к вечной игре людей – представить, как он выглядит... взглянуть на себя чужими глазами. Её глазами. О, это очень чужие глаза.

Но у него не получилось.

Он знал, что смотреть на него – одно удовольствие.

Поза вольная, уверенная – безжалостный на этой высоте свет не упустил бы изъяна. Но изъяна нет.

Ни телесной brutality, когда плоть похожа на маскарадный костюм, вроде идеального гражданина из анатомического атласа.

Ни расслабленности мечтателя, лелеющего свой комфорт над облаками.

Вторая пара рук, поддерживающая крылья, в эти минуты покоя не видна. Подобные кожаному плащу в раскрытом состоянии, сейчас крылья сложены за спиной. Навершия их напоминали оружие, закреплённое португесей. Целесообразная красота искупала намёк на грозную избыточную силу.

Для того чтобы подняться на таких крыльях, нужен плечевой пояс, способный выдерживать вес тела в воздухе. И какого тела! Вдобавок, требовалась свобода манёвра, возможность посмотреть за плечо, закрыться крылом.

Лёгкий поблёскивающий туман, естественное испарение кожи, напоминал человеческую одежду.

Да, он – милый, что уж там.

Руки он сложил на груди и опирался ими на подтянутое вверх колено.

– Не простудись, смотри. – С улыбочкой заметила она.

История, которую придётся пересказать мне, хотя было бы здорово спихнуть эту обязанность на кого-нибудь другого, произошла в огромном городе на самой окраине одного из континентов, в самом начале самой кровопролитной и безумной войны, когда-либо вовлекавшей в игру на эффективное самоистребление экзальтированное племя людей.

В городе война являлась призраком, самолично не заходила. Он, город, ощущал себя частицей великолепной и сильной империи, слегка запачканной в тех субстанциях, из коих прилично в вагоне для нежных и некурящих упомянуть только несправедливые чернила. Но империи пришлось воевать с тьмой во имя утреннего света, и оттого она чуточку пообчистилась. Настолько, что приличные люди в других концах мира перестали чувствовать холод в желудках и других непочтенных местах своих слабых тел при одном её упоминании. Они даже следили за сводками и шёпотом повторяли последние известия с фронтов:

– Они отбили ещё один город... Они вошли на оккупированную территорию...

Ещё пара месяцев и сводки повторяли уже нормальными голосами на разных языках мира. Вполне допустимо оказалось – только если вы не находились в неотбитом империей городе, вслух сказать, пожимая плечами:

– Ну, полно ворчать, дорогая... если они – зло, то уж, по крайней мере, меньшее. И не нам, маленьким оазисам законности и древних прав, осуждать эту циклопическую силу, пробуждённую самой природой. Они платят кровью и мясом – своими, заметь, дорогая, и, пожалуйста, передай мне заменитель жира... спасибо... и платят исправно.

Прошло ещё девять месяцев, женщины произвели на свет, потерявший право на привычный эпитет, уйму младенцев. Стало ясно, что, если империя не отступит и, неустанно шагая с устаревшей винтовкой, падая время от времени на одно колено, всё же будет подыматься, как оживший лесной дуб, выдравший из земли свои корни, – заменитель жира снова скоро можно будет заменить обыкновенным животным жиром, а младенцы, возможно, самые жизнеспособные из них, вырастут, не зная, что такое сахарин.

Ещё полгода – и в газетах освобождённых территорий крупно набирали:

– Не могут же они воевать за всех! Все на помощь империи!

Неизбежный, хмурым утром, обозначенный часовыми стрелками на больших командирских, придёт час воздаяния. Приличные люди, увидев озарённое страшными вспышками салюта небо и неисчислимые полки победителей, возвращающиеся по их улицам домой, снова перейдут на негромкий обмен репликами, пока ещё одобрительный. Ну, а потом, некоторые из приличных предложат создать, на всякий случай, тайный оборонительный союз, ибо рвы,

полные черепов, и чересчур урожайные поля поселят в их умах тягостный призрак неведомой опасности.

– Как же им удалось? А вдруг они...

Но это уже другая история.

В городе властвовала тишь-тишина.

В неизвестные времена обстоятельства поместили его в котловину невыносимо высоких гор.

Невыносимо высоких, заметьте, даже для местного населения, привычного смотреть вверх в небо и в глаза тому, кто создал мир.

О, это были бело-лиловые горы, изрытые ущельями, сквозь которые щегольские пилоты империи, следующие на воздушные трассы войны, пролетали в наивных машинах, вынося иногда на хвостовом оперении шматки серых туманов, гнездящихся здесь с тех пор, как крылатые человекоподобные существа вовеки покинули свою территорию. Непроливайки горных озёр с чистой водой стояли на неподвластных разуму высотах.

Луна была видна очень хорошо. В силу ли оптических возможностей местности или ещё чего-то, она большая, песочная, висела прямо в городе в ту ночь, которая принадлежала ей всецело. Даже люди видели её чуть ли не такой же большой, как мы, не обладая способностью приближать предметы издалека.

За пятьдесят лет до происшествия городом, впрочем, здесь и не пахло. Пахло лишь ледяными облаками, камнем, столь старым, что он позабыл о древнем зле, заключённом в нём, и, когда летнее солнце принималось в мае сжигать эту часть континента, – нагретою травой.

Окрестности, впрочем, сражались за жизнь. С полсотни деревень осиными гнёздами цеплялись за скалы в забежавшем сюда с полтысячу лет назад и оторопевшем от неожиданности лесу – мол, куда меня занесло. Колодцами здесь служили горные речки, пастбищами – закоулистые горные тропы, ниже за хребтом двигались сады плодовых деревьев, и виноградники... дальше плоско лежала пустынная степь, и в середине её красный забор с превосходно нарисованным, видимым издалека черепом – там помещался лепрозорий.

А сюда, в тихую долину у стопы лиловых гор, в тень кустарника с чёрными очень сладкими ягодами, жители окрестностей в определённый издавна день спускались в своих пёстрых халатах. Они ехали на серых ушастых, похожих на гигантских зайцев, ослах и низеньких пони, рыжих с широкими копытами. С собою жители прихватывали овощи и приводили баранов. Здесь, как перелётная птица, на избранном месте гнездилась ярмарка. Первую из них видели ещё крылатые человекоподобные существа.

Тот, у кого насчитали больше всего баранов, как-то назвал это место в честь цезаря. И цезарь услышал слово сказанное, и благосклонен был его слух.

К следующей ярмарке здесь появилось множество людей, носивших отчего-то только полосатые халаты. Они говорили на всех языках империи и даже иных стран. Звуку их голосов вторил звон невиданных браслетов из неизвестного, как видно, редкостного, металла, которые они желали носить не только на запястьях, но и на лодыжках.

Ещё спустя ярмарку эти странные люди выстроили сотню нечистых беззаконных домов, в которых поселились сами, и с чёртову дюжину обычных поодаль – так появился посёлок, который и унаследовал почётное имя.

Сюда были присланы геодезисты, сплошь загорелые с выцветшими бровями парни, оторви и выбрось, лихие на язык и... да и вообще, резвы без меры, так что местные отцы только плевались, глядячи, как иной из этих добрых молодцев расставляет свой трёхногий прибор и нагло засматривает в раскалённое небо, даже не щурясь.

Они прошли по всей степи с диковинными, как оружие из иных миров, инструментами и, как гласит легенда, переночевали в лепрозории – так, на спор. Нанеся на карты эту часть

континента, они отдали карты начальникам, а те отправили их цезарю. И он увидел, и глаза его были, как два солнца.

Люди в полосатых халатах куда-то делись, как по заклинанию, изгоняющему непонятное, а приехали люди в костюмах и то смеялись, то принимались молчать, когда какой-нибудь местный старик, доискивающийся нового, почтительно спрашивал, почему они не изволят носить такие красивые украшения из металла, как их предшественники, вошедшие в сказки и тексты заговоров.

Прошло пятьдесят лет, и в горах белел город. Его называли в честь Луны, ибо ярмарочный день всегда приходился на полнолуние.

Он был величествен, и шпили его зданий отражали лунный свет даже лучше, нежели солнечный.

Как всегда бывает, сюда стали стекаться превосходнейшие из людей империи и подонки. Эти последние тоже были в своём роде превосходны.

Крылатые человекоподобные существа гнездились здесь со времени... да Баалзеб знает, с какого времени – у них память не многим лучше людей. Словом, примерно десять тысяч лет кануло, как они окончательно покинули горы.

Ещё раньше они избрали себе новое местопребывание. Не так далеко...

Когда Луна была круглее и спускалась, куда ниже над дикими и окультуренными местами, многие из них уже устраивали новые гнёзда в песочных холмах и на сочных, как хлебная лепёшка, равнинах, где всё так непохоже на холодные горы. И шар Луны висел над улицей в их тайных городах.

А по поводу *этого* города злые языки говорили, что выстроен он так, что ближайшее горное озеро в случае самонадеянной неурядицы может вылиться в него, как начальник из местных выливает из чайника спитую заварку, встряхивая его умелым круговым жестом.

Она наострила острые крохотные уши. Он склонил к ней лицо, выразительное, как на фреске, лобастое, с широким выпуклым подбородком.

– Пари?

Неуловимым движением, медленным и быстрым, она возложила ему на колено маленькую руку, втяжные коготки легонько царапнули его кожу.

– Эге.

Он сел ровненько, и милая улыбка осветила его ярче даже светлых мерцающих глаз. Она тоже показала мокрые и белые, как подтаявший снег, зубы. Он отвёл взгляд – ему не нравились её клыки, чуть длиннее, чем следует.

– А если засекут?

– А мне по барабану. – Объявила она и, подумав о чём-то в том же стиле, как двигалась, нахмурила крылатые бровки. – Погоди-ка... ты что же, та-ак боишься за меня?

Он прикусил губу, чтобы не вырвалось необдуманное словечко.

– Нет, за некоего болвана, крылатого человекоподобного, который собирается принять участие в глупейшей авантюре.

Она вскочила, и когти на её лапках глубоко вонзились в траву. Стреловидный хлыстик хвоста разгулялся и безжалостно сшибал жёлтые головки цветиков, единственных, которые выдерживали высокогорные перегрузки.

Суженными глазами, ощерясь, она следила за каждым его движением, даже за тем, как вздымалась его грудная клетка. Он не сомневался, что она видит его насквозь – в буквальном смысле. Это не слишком приятно. Сам он этого не умел. Правда, он умел многое другое... мы все умеем много чего. Но он был особенный. И только потому, что когда-то сказал: «Здесь никого нет».

– Ты хочешь сказать?..

Он кивнул. Этот кивок должен был означать, что он совершил сей секунд непоправимую глупость. Это он и означал.

Далее они говорили примерно минут пять. Он смущённо посмеивался, подыскивая слова, она же была, как это ни смешно, предельно сосредоточена и слов, как всегда, не подбирала. Во всяком случае, у него создалось такое впечатление.

– Но необходимо договориться об очень важном.

– О чём? – Спросил он не без тревоги.

Она внимательно посмотрела.

– Ты сам понимаешь...

Она выразительно сморщила нос, показала клычки.

– ...не делать фуку.

– За кого ты меня принимаешь? – Уже серьёзно ответил он.

В обществе людей раскрыть друга... особенно её... такую бессовестную и красивую.

Так он подумал.

Если она подозревает его – но в чём? – зачем же придумала весь этот вздор?

– Нет, я не нарушу правил. – Возвысил он голос с необходимой долей торжественности. –

Не сделаю того, что заставит тебя принять привычный облик.

– Ни при каких обстоятельствах? – Спросила она со странным выражением.

– То есть, – осторожно заметил он, – ты имеешь в виду провокацию.

– Фу-ка, слово из арсенала местных ликвидаторов или как их там.

Они ещё поговорили. Она принялась настойчиво расспрашивать его о расстреле. Затем, прервав его, прежде чем он успел договорить (о пуле он рассказывать не стал, как и о своем намерении спасти приговорённого), она спросила:

– А как будем выбирать, на кого охотиться?

Он поёжился.

– Ну, как, как... как скажешь.

Она в своей обычной манере глянула из-под ресниц.

– Есть там внизу одна семейка. Муж на фронте. Соломенная вдова... Сам понимаешь... натуральная медовая блондинка... ничего себе, ну, для человека. А у её мужа два брата...

– Час от часу не легче, – пробормотал он. – Братья, блюдущие честь. Отлично. Что ты там говорила насчёт не привлекать внимания?

– Да не братья... брат. Ценный спец по мостам или чему-то там, какие-то то ли оборонительные, то ли мелиоративные сооружения. Словом, парня не пускают поделиться своим молодым телом с врагом.

– А он хочет?

– Ещё бы.

– Да, поди, поживи в доме с медовой сестричкой, у которой муж на войне.

Он тут же устыдился своего легкомыслия.

Так он подумал.

Мужество он уважал, и новости с фронтов не ленился узнавать простейшим способом – летая над полями сражений, не газеты же читать, в самом деле.

– А второй воюет. Не грех ему и на побывку, подлечить лёгкие в тёплом климате. Сто лет не был дома...

Она в упор посмотрела на него. Прикусила кончик языка и, обмахивая хвостом подбородок, продолжала удерживать его этой незримой цепью.

– Ну, это у них такая манера выражаться.

Он почувствовал себя загнанным в угол. На кого тут охотятся, а? Похоже, она всё заранее обдумала – до мелочей. Холодноватая испарина выступила у него на лбу. Что он о ней знает?

Не больше других. Следовало быть разумнее... С тех пор, как они случайно познакомились в небе над океаном, где она дразнила акул, он непрестанно думает о ней.

– Впрочем, если у тебя есть другие варианты... – Добавила она милосердно.

Он сглотнул свои сомнения.

– Я подумаю. – Сдержанно пообещал он.

Они распрощались. Она молвила «Ну, милый» с рассеянной нежностью, от которой у него защеботало за ушком, как у плюшевого мишки, и, взобравшись на камень – она всегда взлетала с места, что называется, в карьер – с шорохом разбросала полупрозрачные, как тёмное стекло, паруса крыльев. Воздух засосал её лёгкую фигуру в курящемся, как дым сигареты, одеянии. На прощанье она шаловливо сделала цапастой ножкой.

Глядя на погружающийся в голубизну силуэт, он снова почему-то вспомнил вчерашнее.

– Как будто он мог вернуться... – Пробормотал невольно.

Она обернулась с высоты.

– Что? – Крикнула.

Он виновато передернул плечами.

– Так... кое-что вспомнил! – Прокричал он.

Она в воздухе пожала плечом и со свистом унеслась за облако.

Завязывать глаза тому, кто и так останется в ущелье. Зачем это, уже ненужное испытание жалкого человеческого достоинства... разве только кто-то предусмотрел необычные дополнительные обстоятельства. Но кто из людей мог пробраться сюда, чтобы отбить подлежащего расстрелу в этот оцепленный проволокой горный район, который местные жители далеко объезжают на своих осликах и выносливых пони, и называют Бородой Баалзеба? Кто мог увидеть казнь? С боков лесок, чахнувший здесь веками и никак не могущий зачахнуть окончательно... укрыться в нём нельзя... площадка для ликвидации просматривается только с немыслимой для человеческих глаз высоты, именно с той, которую занял вчера один человекоподобный и т. д. болван.

Когда она улетала, он автоматически считал взмахи её крыльев, тонко

просвечивающих на солнце, перевитых узлами сокрытых, как и подобает вечному женственному, мышц, любясь размеренностью её движений.

Вдруг он вспомнил, что когда тот светловолосый в ущелье поднял завязанное лицо, а пуля уже подлетала к его груди, часть лица, не закрытая повязкой, поразила его мужественной красотой – твёрдый правильный подбородок и смелая линия разомкнутых губ... классические ноздри прикрытого тканью носа раздулись – от гнева, или уходящий навсегда хотел в последний раз поглубже вдохнуть.

Поднявшись, он распрямил спину, несколько угнетённую долгим неподвижным сидением – ...и всё же их не стоит долго держать сложенными. Воистину, так и охота иногда произнести: «О, демиург, будь я – ты, я бы устроил себе крылья полегче».

Надо было сказать, когда была такая возможность.

Да... тяжело.

Он развернул их как вторую чудовищную пару рук над сразу расширившимися и без того мощными плечами – этой громадой мужественности, песнью силы и желаний – и ощутил, как тяжесть вынужденного сидения и неприятного напряжения после полной недомолвок беседы с женщиной спала с него шелухой, как с молодой стрекозы.

Безмолвно, без треска, с легчайшим звуком развёрнутой книги раскрылись они – взвинчивая всё его тело. Он оттолкнулся сильными ногами с железными комами икр, мелькнули его ноги – та часть их, которая так хороша у нас и которую мог нарисовать лишь один тот художник, что вечно удлинял пропорции. Рассмотрим подробнее, правда? Узкое место подколенных впадин, как изваянный кувшин улепленных в бёдра, стройных только потому, что плечи поражают своей мощью даже среди Тех, Кто когда-то понапрасну ждал, когда его позовут.

Он пронесся над озером, склонив упрямую голову с выступом подбородка, так что светлые пряди повисли на щеках, открыв небольшие уши, как у человеческих изваяний героев. Их слегка приострѐнные верхушки находились на уровне изогнутых треугольником бровей. Заглянув в ласковое равнодушное зеркало древней воды, он тотчас отвёл взгляд, но, уносясь прочь к зелёно-серому плато у лап лилового дракона, в которого свернулись хребты по эту сторону двуречья, оглянулся, услышав шум. Успел мельком увидеть, как бурлит встревоженная его взглядом поверхность, и вода поднимается сталагмитами, склонѐнными в сторону его полѐта.

Он тихо поплыл на кресте своих крыльев, освещѐнный предзакатным осенним солнцем. Там на западе поджидал вечный соперник – гармсилъ с его жаркими порывами и тёплые, подымались сумерки.

Сумеречный свет, и Луна... она растѐт.

«Озеро. Рукопись. Зеркало. Стекло. Пыль. Луна. Озеро».

Страница не была первой в книге. Она помещалась в середине. Крупномасштабный набросок местности – города и окрестностей – с высоты. Подробно выписана окраинная улица и крыша последнего дома, попавшие под толстенную лупу. В горах тоже имелось такое местечко: чаша, по края полная, приподнята и наклонена над городом. Пальцы, скользившие по странице, рванули её и смяли в кулаке.

Он планировал, развернув складчатые крылья, над горами, разглядывая движущиеся лиловые пики, оплывающие к югу сочными синими пятнами лесов, готовящихся к осени.

А когда-то мы жили здесь в ущельях, в тёплых гнёздах завязывались кочанчики и из листьев их вскоре вытаскивали новое человекоподобное крылатое существо – правда, малюсенькое, ненамного больше человеческого. Они всегда в первые минуты розовато-коричневые в пятнышках, и эти хорошенькие гривки, низко растущие на шейках, тянут запустить в них пальцы со втянутыми предельно когтями. Как смешно они кричат, показывая острые, длиннее, чем у взрослых, клыки и стискивают крохотные кулаки с загнутыми, незатвердевшими коготками, мягкими, как лепестки.

Потешнее всего этот липкий комок на спинке... его приходится разбирать повитухе.

Бережно нежные и опытные пальцы расклеивают пахнущие цветами и шѐрсткой складочки, пока малыш верещит, положенный брюшком на её ладонь. Изредка он так шипит и дергается, что не грех и похлопать его по маленькому хвосту... если он есть, которым он обвивает пальцы взрослых, когда не голоден.

Наконец, два узеньких безвольных крыла разглажены и протѐрты водою с солью. Повитуха обращается с ними, как чиновник с газетной вырезкой о своём повышении, и следит, чтобы малыш не заспал крылушки.

Сказочки! Их рассказывают детишкам те, кому посчастливилось родиться с двумя лишними косточками возле лопаток. Надо же что-то ответить ребѐнку, когда он задаѐт важный вопрос – откуда он, собственно, взялся.

А из меня б вышел отец, быть может, неплохой.

Да, такая мыслишка мелькнула – и не в голове, как принято выражаться об этих неуловимых особах. Скорее, пролетела в поле бокового зрения, как невовремя вылупившаяся бабочка.

Бабочка, и вправду, пролетела – крупная, сильная и сопровождавшая полѐт едва приметным лишь для особо чувствительного уха звуком. На фотончик секунды она замерла над

густо красным деревцем, всю зиму источающим сладостный винный дух увядания. Перепутала с запахом любимого угощения – ей бы на виноградники, быть может, там отыщет толику нектара.

Он разглядел, что у бабочки пушистая холка, вроде львиной гривы, и загнутый спиралью хоботок. Разумеется, это бражник собственной персоной.

И он принялся методично прокручивать в уме ту часть разговора, которая была самой важной.

Вот несколько реплик из тех пяти минут разговора, который был мною опущен (не люблю лишнего, лишние слова всегда придают оттенок недоговоренности, но что поделаешь).

– Итак, давай окончательно определим цель этой авантюры.

– Прекрати ёрничать, я-то абсолютно серьёзна.

– По-моему, это ты ёрничаешь, если успела за одно утро втянуть меня, такого добродетельного, в грязное дело, нарушающее правила.

– Я, – молвила она, наставляя на него кончик острого пальца, – так и знала. Сдрейфил?

Было в ней что-то невыносимое... неудивительно, что многие её просто ненавидят, и даже слагаемые её прелести – холодный ум,

неподражаемый здравый смысл и это тело – не могут помирить с ней многих и многих. Возможно, именно намёк на энтропию добавляет ей злого очарования.

Он чуть устало проговорил, отчего голос его сделался немного нуден:

– Скажи сама.

– Охотно.

Она снова откинулась на скалу, подтянув колено, и он отвёл глаза – до чего плохо иногда быть поклонником гармонии, когда стремление лицезреть красоту в любом её проявлении затмевает естественную нравственную брезгливость – ежели правда, что о ней говорят... иногда...

– Ты должен заставить человека, избранного тобой, пресмыкаться пред тобой раньше, нежели человек, избранный мною, начнёт пресмыкаться передо мной.

Он выгнул губы, кивнул.

– То есть, если девушка влюбится в меня, окаянного, на пару дней раньше, чем мужчина влюбится в тебя, я выиграл.

Ирония её ничутьючки не задела. Возможно, он не сумел вложить в свои уста яд в необходимой доле.

– Можно и так сказать. – Равнодушно молвила она.

Он склонил к плечу голову, так что светлая прядь длинных густых волос закрыла ему глаза. Бражник снова возник в розовом и жёлтом свете: тот час осени, когда мир подобен нутру виноградной раковины.

– А как мы определим, что она... он... влюбились?

– Так же, – последовал ответ, – как это определяют люди, когда смотрят на своих кошек из окна мартовским утром.

– Ты хоть понимаешь, что это значит?

Она хихикнула.

Он решил выразиться понятнее:

– Что нам за это будет, если там, – он сделал жест, – узнают?

– Как там могут узнать? Если только, – прикрыв глаза жёсткими золотистыми ресницами, заметила она, – никто не донесёт. А в городе нет никого... из твоих, и моих.

Он подумал, что это так, наверное. Отчётливо подумал.

– Да? И хватит повторять одно и то же.

Он промолчал.

– Э, погоди-ка, – заторопилась она. – Ты, что же, и, правда, так боишься за меня? Ты всё время об этом думаешь?

Он небрежно бросил:

– Будет обидно смотреть, как тебя погрузят в кипящую смолу, только и всего. Ты ведь такая хорошенькая.

– Смола?

– Ну, это символ. Представь самое обидное для себя. Скажем, увидеть, как кто-то очень жалкий тебя не боится.

– М-м?

– Или, что ты спасла человеческую жизнь.

– Ага?

Она, похоже, успокоилась.

– Да нет, ничего. В смысле, ты мне тоже приятен.

Она зевнула.

– Да не случится ничего.

Она махнула вверх, где серым полукругом в блёклом голубом небе уже повисла прирастающая Луна.

– Им, поверь, и дела нету... все эти правила...

И последовал не вполне приличный жест.

– Правила утверждают, что мы должны беречь людей... а это значит, беречь первым делом от всяческих отношений с нами. Всё должно идти, как по написанному... ну, ты понимаешь.

Она запела:

– Первым делом, первым делом...

Это была песенка, сложенная накануне войны и очень нравившаяся людям. Он толком не помнил слов и удивлённо восхитился – до чего же хорошо знает она людей, как цепко запоминает все мелочные и важные подробности их бытия. Несомненно, она выиграет это нелепое и опасное пари.

Он так подумал.

И он не преминул сказать ей об этом.

– Не лсти.

Она прилегла грудью на траву и, сорвав губами травинку, подмигнула.

– Что, так страшно расплачиваться?

Он уклончиво ответил:

– Это ведь тоже против правил.

Внезапно бражник метнулся к его лицу, и он понял, что ошибся. Гривка была чёрная, и хотя глаза бабочки светились летней благодатью, на спинном щитке отчётливо нарисовался белый тусклый знак зимы.

Почему-то его охватил ужас – дурманный, с запашком разлагающегося винограда. Он увидел что-то: картинку в тумане и услышал громкое пение воды, тут же всё исчезло.

Усилием воли он отбросил малодушие и махнул, отгоняя бражника. Тот загудел почти явно и, как показалось мнительному мужчине, – насмешливо. Унося череп на щите, посланник сгинул. Ночь для этих тварей всегда наготове, спрятана даже в полудне.

– Но как заманчиво, верно? Как ты думаешь, почему я, по твоему выражению, втягиваю тебя в это нелепое и опасное дело?

Он сухо ответил:

– Без ума от меня, понятное дело.

Другая бы расхохоталась, чтобы сбить неловкость минуты. Нет, она не такова. Сама естественность. Сейчас ей хочется поглазеть на него – она так и сказала.

– Мне нравится эта война. – Заметила она простодушно. – Она прекрасна. И я прекрасна. Он подумал, что это так. Она усмехнулась.

– Это всё ради твоей пользы. Чтобы ты не ждал больше... Это не повторится. Война, если повести её правильно, уничтожит последнюю память о том, что произошло слишком давно... даже по нашим меркам.

Сейчас он ни о чём не думал, просто слушал, что она говорит.

– И ты будешь свободен от старой лжи. Когда в небе, переполненном их самолётами, над полем, где ползают их большие жуки, ты поднимешь руку, изменив ход сражения, ты сразу забудешь. Ты будешь ужасно мил.

– Ты ведь понимаешь, – беспечно бросил он, – что мне это не нравится.

– Но тебе нравлюсь я. ...Да, и будь поосторожнее, сам знаешь, с чем.

Он выпустил на губы совсем уж принуждённую, не шедшую ему улыбку.

– Да, отражающие поверхности – это не шутка.

Зеркало и Луна

Широкоскулая, с маленьким, дерзко выступающим подбородком, она следила за своим отражением, будто хотела поймать его за какой-нибудь пугающей шалостью.

Но ничегошеньки!

Равнодушно она подумала, что выглядит, как картинка из книжки для маленьких девочек. Глаза, уголками приподнятые к вискам, узкие, такого густого зелёного цвета, что издали казались чёрными, как бы стирали границы этого, без сомнений, редкостно красивого лица.

Её руки машинально пропускали сквозь гребешок жёсткие тёплые волосы, и, высвободившись, кончики их дерзко завивались.

– Что, Калерия, ещё в зеркале отражаешься? – Спросила присутствующая в комнате тихая особа двадцати двух лет.

Дама по эту сторону зеркала, с шумом скользящей ткани, повернулась от трюмо, разом отразившись в трёх вариантах своего ускользящего и очень запоминающегося лица и трижды в поворотах тонкого в талии и круглого в плечах и бёдрах тела.

Ткань затянула одно колено, второе осталось, как шутил знаток военной терминологии Илья, без прикрытия.

– Не осли. – Коротко сказала та, которая находилась по эту сторону зеркала.

Гостья встала и выступила из тени – по гладко причёсанным русым волосам, не оставляя бликов, скользнул свет из окна.

Свет был не вельми силен. Февраль, он и в этом городе с прилично освещёнными улицами – затемнение не предписано в тыловой части империи – был февралём со всеми вытекающими с неба последствиями в виде серых дождей, месяцем в скорлупе тонкого слоя снега.

Гостья остановилась за спиной хозяйки, опустила тонкие руки на её покатые плечи. Вольность неслыханная. Никому такое не позволено. Но у светленькой до бесцветия барышни, знать, рука острая.

– Просто ты такая у нас, что ещё чуть-чуть, и уж не девица, а нежить с гор. Знаешь старые рассказы местных?

– Нет. – Отрезала Калерия.

Та вздохнула, легонько массируя приподнимающиеся вслед за её движениями чувствительные плечи.

– У меня подруга, по распределению приехала, так она собирает фольклор.

– Это что за еда? – Заинтересовалась Калерия.

– Тебе бы всё кушать.

– А говоришь – нежить

– Они тоже едят и не всегда постное.

Калерия состроила строгое лицо, спихнула руки подруги.

– Не забывай...

Обернулась, взглянула над плечом.

– Да, я и забыла, что ты пасторская дочка.

– А ты – Олюшка, на твоём этом те-ле-ви-де-нии не только это забыла.

Гостья с укором рассматривала непроницаемые глаза хозяйки, ибо заглянуть в них не представлялось возможным.

Но не стала спорить, отошла, выглянула в окно. Знала, что бесполезно опровергать то, что упорно приписывали новому шпилястому зданию на околоцентральной улице. Шпиль вздымался этак, что и, максимально запрокинув подбородок в самое небо, не углядишь кончика. Само же новейшее изобретение почему-то связывалось не с техникой и прогрессом, а с работницами, кои всё больше частью были сверстницами Олюшки.

У Калерии Аксаковской была масса знакомых во всех сферах активной жизни города, хотя близких отношений она ни с кем не поддерживала. Забавно, что все эти многочисленные адепты или проклинатели (разумеется, есть и такие, да сохраняют их духи местности) именовали её кто Калей, кто Лерой. И только Ольга Доннерветтер никогда не ленится произнести полное имя старшей из сестёр Аксаковских. Более того, Илюша уверяет, что делает это Оленька неспроста. Сам он однажды охотно в течение целых трёх минут развивал рассуждение на тему о том, что у некоторых прекрасных дам целых две сущности. При этом он трижды оглянулся... таких физических упражнений с его стороны в городе удаивалась только одна особа – и то, не человек, а аббревиатура. Он даже успел сказать, что когда Калерия – Каля, у неё лицо делается этакое. Какое? Грозное, шепнул Илья и умолк. «Ей бы пореже смотреться в зеркало. Да и зачем? Ведь красавица...»

Впрочем, это пустяки всё. С Олюшкой, приехавшей не так давно, любительница тройного зеркала сдружилась, и не просто, чтобы так -поболтать.

Калерия родилась и выросла здесь – она всем так говорила, и её родители, которые помнили первые дни посёлка, носившего почётное имя, знали многое о городе, в который тот превратился.

Оля отвернувшись от окна, присела на подоконник, повела аккуратно причёсанной головой, в знак согласия или протеста, непонятно.

– А я, знаешь, – с усмешкой молвила она тихенько, – как приехала, такая добродетельная, тотчас в архивы разузнать о местном колорите. Тогда и начиталась всяких мифов. Всякие монстры, выкрадывающие детей из колыбели, ну и... Всякие странности. В газетах даже...

Калерия перебила, фыркнула.

– Да я вас умоляю. Тут бандитов было полно, вот тебе и монстры. Мне и маменька рассказывала. Ну, не мне. Помню, они с отцом о чём-то таком говорили.

Оля махнула маленькой рукой.

– Да, и это верно... м-м... знаешь, что поразило моё девственное воображение...

– Какое?

Оля отмахнулась движением ресниц, лёгких, как серые тени.

Калерия напряглась, искорки в Олюшкиных светленьких глазах подсказывали, что готовится каверза.

– Ау?

– Местный мужской костюм. Знаешь, как он называется на женской половине?

И подойдя, склонившись гладкой головой к львиной гривке, она прошептала.

– Что... что-о?

Калерия открыла на неё свои безразмерные глаза. Смех её раскатился по комнате, как порванная связка бус.

Вот за что ценила она общество Олюшки, а все-то думают, что тихоня. А она умна и порядочна, но при этом болезненно остроумна и, если подкараулить, этакое срежет... с древа знаний.

Да ведь и недурна. Недаром её взяли в магическую контору, где так ценят гармонию во всём – в лицах ли, в душах. В событиях. Никогда худого не скажут.

Та тоже посмеивалась, но деликатно – глазами.

Девушки помолчали в тишине этой женственной, пахнувшей духами комнатки, где призраком смеха оседал на зеркале.

– Ты обещала новость.

Калерия перебралась на кровать и, прилегла, поддерживая голову пальцами под затылком. Оля, захватившая место у трюмо, подумала, что в этой молодой женщине есть нечто, подходящее под определение «историческая реликвия», какой-нибудь рубин с дурной славой, из-за которого люди резали друг друга от времён, когда в горах жили существа, описанные в мест-

ном фольклоре. Другой рукой Калерия вытащила из-под подушки с вышивкой затрёпанный треугольник.

– Помнишь, я тебе говорила о брате...

– Да ты что? Неужели...

– Вроде объявился.

– Не виделись-то сколько.

– Да с тех пор, как я ему на колени пописала. – Пояснила Калерия. – В смысле, я-то этого не помню.

Оля приглядывалась к конверту. На нём она не видела пентаграммы – знака цензуры. Каля перехватила взгляд.

– Да.

– А как?

– С местным передал.

– Удивительное рядом...

– Да, я даже....

Она прервала себя на слове «засомневалась». Оля понимающе прикрыла глаза.

– А всё же... – Быстро посмотрев и предлагая этим взглядом сменить неприятную тему, начала Оля. – Ты... его узнаешь?

Калерия ухмыльнулась.

– Да. Либо белобрысый, как я, либо ртище, как у акулы. Ну, как у Илюхи.

Они молчали.

– Примешь? – Осторожно спросила Оля.

Та яростно кивнула.

– Всё одно... от семьи почитай никого, я да балагур мой Илья. На Льве крест поставили ещё при батюшке.

– Родители о нём упоминали?

– Конечно.

Калерия, похоже, решила обидеться, хотя это надо было сделать раньше, или вообще не делать.

– Просто ты всегда говорила, что вообще его не знаешь. Как всё это вышло?

– Пропал, когда перебирались сюда оттуда. – Исчерпывающе объяснила Каля, и Олюшка умолкла, покусывала бледные губы.

– Ну...

– Что?

– Спроси, спроси.

– Именно?

– Не дезертир ли. – Сухо молвила Каля.

Оля изумилась совершенно искренне.

– Что только не подумаешь о семье Аксаковских... самое невероятное, самое, Каля, слышишь... но вот дезертирство не в их вкусе.

Каля ухмыльнулась, став чуточку похожей на Илью.

Оля спросила, где тот, кстати.

– У той. – Молвила Каля.

Оля промолчала. Каля, подняв брови, пояснила:

– Так проще говорить. У меня плохая память на имена.

Девушки рассмеялись.

– Говорят, скоро новое пополнение. – Непонятно к чему, заметила Оля. – По распределению, не подлежащие мобилизации.

– Пополнение чего?

– Имён.

– Ох, Оля, да ты непроста. Хорошо, что ты не умеешь влюбляться.

Говоря это, Каля в упор посмотрела на подругу. Та ответила поднятием бровей и еле слышно срезала:

– Вот уж это, милая, тебя абсолютно не касается.

Каля удовлетворённо закивала.

– Ты лучше про Льва Прокофьевича расскажи.

Калерия встала с постели, прошла, отразившись над зеркальным портретом гостыи трижды в трюмо.

Окно, кровать и ковёр трижды переместились, прежде нежели она заговорила.

– В танковом служит... перевели в девятый какой-то полк... проездом... отправляют на побывку.

Оля переспросила.

– В девятый. – Раздражаясь, повторила Калерия. – А что? А-а, – кивнула, прибирая волосы, – потому и через полевую не послал... разглашение сведений?

– Девятый – привилегированный... гвардия... я в газете читала.

– А что же раньше, мерзавец, молчал!

– Вот бы радость для отца, для матери. – Деликатно вставилась Олюшка.

Калерия нахмурилась.

– Что ж. Сквозь воду видно. Наверное.

Оля серьёзно возразила:

– Ты же человек... размышляющий.

(Калерия потрогала шнурок на груди.)

– Они на небе, Калерия.

– Ты полагаешь, кто-то спустился с неба и вытащил их души? Озабочился судьбой чудакватой пожилой четы, зачем-то отправившейся погулять на берегу горного озера?

Каля прервала себя. Оля горестно вздохнула.

– Трагическое стечение обстоятельств. Но совершенно убедительное.

Каля метнула на неё ничего не выражающий взгляд – ну, и зачем надо было его метать?

Оля продолжала:

– Илья выглядит странно в последнее время.

– Да?

– Он на себя не похож.

Калерия не расслышала, ей показалось – «на тебя».

– Да, он в маменьку... только маменька очень хороша была.

– Как он вообще? – Ласково спросила Оля. – От него ведь не дознаешься. Эти шутки... как за стол сядем, пока к своему месту проберётся, всех переберёт. А что он чувствует, никому не ведомо.

Кале это не понравилось.

– А бес его знает. – Молвила она под укоризненный возглас Оли. – Хочет туда. – Неохотно прибавила.

– Он знает, что нужен здесь. Плотина нуждается в присмотре.

– Того и гляди, камень криво положат, тут его и отправят. Только не туда, а *туда*.

Оля медленно кивнула.

– Там у них, – понизила голос Каля, – то и дело... шмыг, шмыг, – она показала. – Илья говорит, похожи на акулят, если сверху смотреть. С лесов строительных. Где он видел акулят, не знаю, сама спроси.

– Говорят, обострение внутривосполитической обстановки. – Сказала Оля. – В горах, говорят, много всего...

Обе помолчали. Оля снова начала:

– Ты слышала, что в доме у Ломаевых... были.

– ...Да?

Девушки сразу ощутили тянущую скуку и желание прекратить разговор.

– Давай лучше про страшных существ из фольклора разговаривать. – Предложила Калерия.

И посветлела.

– Ах, да, – как бы вспомнила она. – Сегодня у нас посиделочки. Не без, – она сделала несколько жестов, обозначающих движение под музыку.

Оля потупилась. Калерия тонко улыбнулась. Обе знали, что Оля терпеливо высидела эту новость. Кроме того, подруги помнили, что Олюшка ещё не обещала провести Калерию на запись программы.

– Может, удастся выбить из Илюшки ту бутылку, что он оставил на случай, если добьётся мобилизации, – милостиво добавила она.

– На это не надейся. – Слабо усмехнулась Оля.

Даже закадычная подруга сидела бы дольше. Немногие добивались такой чести. Калерия держала в ежовых рукавицах штат своих фрейлин. Ясно, что Олюшка должна быть непременно, но повышенное чувство собственного достоинства, свойственное молодым дамам определённого городского круга, требовало получить приглашение.

Это был весёлый дом. В окнах свет рыжего абажура, немножко музыки. В компании была ещё Полина, медсестра из госпиталя. Конечно, Анастасия, младшая сестра, красавица. Были раньше и мужья сестер, воевавшие теперь далеко.

– Как сынишка?

– Отец ему давеча с фронта к Зимнему Равноденствию открытку прислал, – сладко зевнув, проговорила Калерия, – да я покажу тебе. Потешная. Вырезал из трофейного журнала...

Она подошла к секретерчику, где за стеклом качала головкою фарфоровая девочка. Не оборачиваясь, подняла руку – между указательным и средним зажат листок. Оля встала и подошла. Обе рассмотрели аккуратно наклеенное на тетрадный лист изображение – статуя с поникшими крыльями.

– Раскрасил хорошо. – Молвила Оленька.

– На то профессия. – Отозвалась Калерия. – Он ведь, знаешь, что в госпитале с ранением второй степени тяжести учинил? Начал ребятам карточки рисовать на доб. питание.

– Ох.

– Да... дерзец, негодник.

– Куда и Илье...

– Разузнали, ну, понятно кто-то... – она стукнула по стеклу, девочка оживилась, – дурно бы вышло дело, но выяснилось, что себе не рисовал. С тем и закрыли.

– То-то я удивилась, что его так скоро отослали на фронт. Такая рана...

– Ах, да ладно. – Укладывая рисунок в книжку, осерчала Калерия. – На войне чего ж ещё делать, как не воевать? Он мужчина, пусть...

– Да, он мужчина...

Каля улыбнулась искренне.

– Я примерная.

– Это верно

– А всё ж?

– А всё ж не забывай, что он мужчина.

– И примерный.

Оля подняла брови.

– Чего не знаю, о том молчу.

– Не в моём вкусе.

– Что?

– Дезертирство. Ты же сама сказала.

Оля изобразила всем неярким личиком серьёзность.

– И потом, если б кто яркий этакий. – С дурным огоньком в глазах молвила Калерия.

– Вроде парня, рисующего бумаги на доб. питание.

Каля сердито взглянула на неё, и огоньки исчезли.

– Лучше бы стены в коттедже закрасил.

Коттеджем назывался маленький, очень чистенький флигель, и считалось, что там водятся привидения. Стены там выкрасил молодой Борис за медовый месяц, изображая одну фигуру за день, чтобы позабавить жену. При этом он полагался всецело на свои знания о привидениях. Каля терпеть не могла этого подарка, и, сдавая кой-когда флигель приезжим, всегда требовала Илью, чтобы сам проводил.

– Как можно. – Привычно ужаснулась Оля. – Произведение искусства.

Каля и сама вряд ли верила в то, что фрески можно закрасить. И у кого бы рука поднялась?

– Нам вовек не сдать этот сарай. А ведь монеток можно бы натрясти,

Оля рассеянно заметила, расставляя скляночки и баночки на трюмо:

– Он ведь всех наклеил.

Вытащила из-под коробочки с пудрой колоду карт.

– Ты о чём?

Оля не сразу уловила, что тон подруги переменялся.

Принялась тасовать карты.

– Я хотела сказать, обои не наклеил. А то бы, – Оля почему-то придирчиво заглянула в карты, – рисовать бы негде было.

Она выронила карту. Та спланировала под трюмо и запуталась в ворсе ковра, не вытертом только там, как трава под защитой камня.

– Ты не растеряй. – Кривя губы, молвила Калерия. – Это колода от дединыки.

– Туза нету и двух валетов. – Сообщила Оленька. – Ты это знаешь? А то скажешь, я уронила.

Она показала карту, которую подняла, но мельком, и снова принялась встряхивать колоду.

– Обои он не наклеил, потому что погода не позволяла.

– А, помню, ты говорила. Ваш медовый месяц пришёлся на март, верно?

Калерия помолчала.

– Нет, на февраль.

– Ах, февраль.

Оленька положила колоду на трюмо. Лицо у неё сделалось озабоченное.

– Високосный?

– Обычный.

– Значит, их двадцать семь...

– Именно.

– А я думала, там все.

Калерия вздохнула и предложила «показать чёртова ангелочка». Они прошли в спальню и посмотрели на спящего малыша в кровати с сеточкой.

Невидимая, страшно близко плыла она, вальяжно обращаясь, как испорченные часы. Песчаные карьеры её, полные тихой пыли, темнели, долины были освещены отражённым све-

том. Добрый приют для печальных мыслей, и всякий, кому нелегко на земле, может смотреть вверх, мечтая об иной жизни.

Сейчас она видна лишь в виде узкого серпика.

Скоро и вовсе погаснет он, и небо лишится последней отрады. Тяжелы новолуния, а здесь, среди лиловых ворот великих гор, наглухо закрытых с начала времён, тяжелы седмижды семь.

Дело клонилось к вечеру, и во всё ещё светлом небе, омрачённом меркнувшими горами, ограждавшими город от континента с трёх сторон, облачко среди ущелий прорвал острый лунный рог.

Тому, кто стоял у зарешёченного нагусто, пыльного окна померещилось, что пролетело над горами что-то белое, крестом – стервятник или истребитель, следующий по делам войны на север.

Он обернулся от окна на скрип стула и сам скрипнув – сапогами, вопросительно взглянул. Симпатичное лицо его в нестерпимо ярком свете зажжённой зачем-то лампы выглядело, как горка тщательно намытого картофеля, не местных сортов – те покрупнее и желты, рассыпчаты. Легко усваиваются. Полезны. Только развариваются быстро.

Румяные щёки и по-детски выпуклый низкий лоб наблюдателя потемнели от раздражения. Словом, незапоминающееся лицо. Но забыть его было нельзя – и из тех, кому доводилось его видеть, его не забыл никто. Волосы его разваливались надвое на макушке и торчали двумя вихрами по бокам головы.

Он указал на горку папок с грязными тесёмками.

– Ты бы убрал уже...

Ответа не последовало. Он подошёл, издавая тот же скрипящий звук новеньких вещей, и взял верхнюю из рук своего товарища, сидящего за столом. Тот холодно взглянул чёрными умными глазами с желтоватого прямоугольного лица и отбросил своё сильное тело на воздух, как на спинку стула. Сложил руки на гимнастёрочной груди. Смоляные кудри его были палачески сострижены у самых корней, и оттого его голодное патрицианское лицо возникало в нездоровом воздухе комнаты, как повисшая в пространстве гравюра с головой древнего воина.

А ведь у него, и вправду, что-то такое имеется нехорошее в Жизнеописании. Царапина или пятнышко. Вот бы одним глазком глянуть. Картофельный прищурился. На это надеяться нечего. Но почему же с бякой в кармане он допуск к работе получил? Может, оттого, что местный? Ну, не совсем. Корни местные. Так он выразился, этот тип, его напарник, на первой встрече. Ишь ты. Нашёлся тоже... дубина.

– Как это?

– А так.

Вихрастый помахал папкой, из неё вылетел заблошивевший сплошным текстом лист с одним белым пропуском внизу.

– Это ж курям на смех, милый. Кому покажешь? Документация не в порядке. Загажена вся. А главного нету. Объясняй потом, пальцы в сапогах скрюча.

Он забрал лист у нагнувшегося за ним патриция и ткнул в низ листа, поверху имевшего знак и штамп с перевернувшейся пентаграммой. Патриций рассмотрел косо свисающий из руки лист, покрытый выцветающими бурыми пятнами.

Палец товарища упирался в подчёркнутое на машинке пустое место.

– Где закорючка, спросят?

Напарник передёрнул широкими плечами.

– Что ж сделаешь. Главное, работу провели... всё, как следует, как подобает, на совесть.

Вихрастый смолчал.

– Что, не ладно? – Переспросил патриций. – Но ведь с фактами не спорят... есть такие закоренелые враги. Так и скажем.

Он покачал чёрным скоблёным шлемом головы, вспоминая.

– Ах, сатана, закоренелые... но до чего крепок. Упёртый, Баалзеб возьми его.

Наблюдатель вдруг рявкнул:

– Так и скажи, ежели спросят. Про Баалзеба.

Он скривил приятное своё картофельное лицо и пригладил вихры, немедленно, впрочем, вернувшие себе свои позиции.

– Из окружения вышел... поди. Прямо так-таки и вышел. Сказал бы я...

Патриций ухмыльнулся.

– Но ты ведь так и сказал. Правда, ещё прибавил. Выражаетесь вы...

– Кто – «вы»?

Патриций плотно замолчал. Его глаза словно чернилами залило.

– Ты со врагом меня уравнил?

– Я просто, амиго, – спокойно выбирая слова, принялся отбояриваться патриций, – оговорился. Удивительно мне, не закричал ни разу... ну, ни разу, зубами только скрипел...

– Пока было чем скрипеть.

– Вот, а выражался беспрестанно. А такой с виду образованный...

Патриций замолчал.

– Крепкий враг.

Обладатель двух вихров снова поморщился, разглядывая испорченный лист. Патриций осторожно подшепнул:

– А что, если...

Оба посмотрели на пустое место внизу.

– Закрыть дело.

– Как это так?

– Всех переловили. Зачем деньги народные тратить?

Вихрастый небрежно откликнулся:

– Ничего. В Небоземле денег много, и все общие.

Желтоватое лицо напарника потемнело. Очевидно, он покраснел от смущения своею наивностью.

– Четыре года назад... – Заговорил вихрастый тем же тоном, показывая, что речёт общеизвестные истины. – Тут кое-что сделалось... город богатый теперь.

– Да меня не было тогда... – Вставился патриций.

Товарищ его продолжал, не вслушавшись:

– Реформу устроили, да все сбережения обесценились. Впрочем, у сознательных граждан нету сбережений.

Смуглый принуждённо улыбнулся. Тотчас сделался официален.

– Все сбережения принадлежат цезарю. Он знает, что лучше.

Вихрастый внимательно посмотрел на руки патриция, расслабленно покоящиеся в бумагах.

– На эти деньги дороги проложили...

Напарник, до этого культурный не хуже арестанта, грубо перебил:

– Где ты дороги видел? Говорят, всё на специальное подразделение пустили.

Вихрастый не стал спорить, а с любопытством спросил:

– Это ты про странный патруль?

Он оживился. Патриций выглядел раздосадованным. Похоже, он пожалел о своей несдержанности.

– Друг за дружку горой стоят. – Неуверенно проговорил он.

Глаза у вихрастого заблестели. Он склонился над плечом патриция и машинально провёл пальцем по строчкам листа.

– Слышал я тоже... мол, есть у них кое-что в отличку от прочих. Ну, я за что купил, за то и продаю. Сам-то я придерживаюсь научных воззрений.

– Я тоже. – Подтвердил патриций, но посмотрел при этом в угол за спиной вихрастого.

Тот ухмыльнулся и быстро глянул через плечо. Снова посмотрел. Шутник-напарник молчал, лицо его было серьёзным. Без предупреждения он хохотнул. Вихрастый ничуть не обиделся.

– Ну, говори.

Тот объяснился очень неохотно и, стараясь, чтобы голос звучал чуть иронически:

– Сказка имеется. О полдневных и полуночных.

– Кто ж из них сознательный?

– Никто. Но полдневные просты и открыты, не вмешиваются... полуночные совсем другие.

– Нам бы пригласить этих других.

– Не стоит.

– Почему?

– Уверяю, товарищ, тут полномочия особые нужны...

– А то изловить бы... Какие полномочия?

– О них даже думать опасно.

– Какие полномочия?

– В человеке, – смуглый поморщился в поисках слова, – зацепка быть должна. Они, в общем-то, сами выбирают.

– А ты, я вижу, предмет изучил. Сказка глупая, как все сказки. Наши товарищи уже давно бы полуночных этих... тово. Нету таких на небе и на земле, чтобы солдаты цезаря не справились.

– Сказка, кстати, не старая. Её в книгах нету.

Вихрастый покусывал свои круглые губы. Картофельное лицо жило своей жизнью, как маска, под которой шевелится мышь. Настроение у начальника учреждения повысилось, будто в него налили, как в простой стакан, отличного винишки.

Он подобрел и взглянул на сотрудника чуть ли не ласково.

– Ну, не будем этих жутких красавчиков приглашать. Мы и сами ничего себе...

Вихрастый засмеялся тугими чистыми щеками.

Грохот прокатился за окном. Завибрировала лампочка, на которую спешно закатили глаза оба.

– Обвал недалеко. – Пояснил разоблачённый знаток сказок, поглядев на старый шкаф, задрожавший так, словно стоял на полустанке.

– А чего ты побледнел?

– Думал, землетрус.

– А.

Вихрастый подошёл к шкафу и размахнулся. Удержал руку и приложил кулак к замку. Признался, подкупаяще блеснув глазами:

– И мне помстилось.

Он вернулся, низко наклонился над чёрной головой и, приникнув губами к уху товарища, влажно зашептал:

– Я тоже было задумался, а не... и с концами в нижний ящик. Авось, не спросят. А всё ж таки...

Он выпрямился. Патриций потянулся к уху и сделал обтирающее движение, которого напарник его не заметил.

– Читал я, друган, как-то про какой-то средний век. Это не твои сказки. Так там всегда товарищи хорошо работу проводили. На совесть. Всякую нечисть, как мы с тобою, испытывали.

Вредителей. Скот, понимаешь, заражали, мосты портили. Ну, и всякое такое, стыдно молвить. Ну, так вот, коль уж не было факта признания, то так и писали.

Патриций кивнул.

– Хорошо.

Вихрастый покривил губы.

– Только их, видать, не проверяли.

– А с кем они проводили работу? С каким элементом?

Тот улыбнулся.

– С бабами, в основном. Вишь ты, слабый элемент тогда был – бабы.

Патриций понимающе выдвинул челюсть.

– Да... всякое бывает. А всё же... у нас баб не бывает.

Вихрастый повёл плечом.

– Жаль... тут есть, я бы провёл работу... имеются всякие слабые элементы. Вот знаю я... как мы вчера с копошились с тем, я припомнил. Дуже даже схоже: крепость этакая... но уж она бы покричала.

– Почему?

Тот недоумённо улыбнулся.

– Баба всё ж.

Он стукнул товарища по плечу.

– А ты не морщись. Вижу, ты чистоплюй. Я дело ведаю. Будет какая зацепка...

Он вздрогнул, припомнив, что это слово сегодня уже звучало.

– Семейство этокое. – Твёрдо подытожил. – Указаний ещё не поступило.

Он потёр затылок.

– Может, ждут творческого подхода.

Патриций широко раскрыл глаза, хотя до этого равнодушно смотрел на шкаф. По выцветшему смуглому лбу провели вертикальную черту. Он произнёс, как будто думая о другом:

– Цезарю, полагаю, лучше знать. Сказано, не трогать. Сын, понимаешь, разве виноват...

– И дочка тоже. – Подхватил вихрастый. – Н-да, дочечка. Ну, подождём.

Он снова подошёл к окну и заметил сквозь зубы, провожая взглядом скоро шедшего по двору военного:

– Эт-та что за явление столь яркое?

Патриций поднялся, издали глянул.

– Верно, в военкомат пошёл отметить... новоприбывший. А его отослали сюда, по ошибке, как всегда.

– У местного, видать, спросил. – Осклабя зубы, проговорил вихрастый, глядя, как голова шедшего скрылась у ворот заходящего солнца. – Местным всё одно, не разбирают.

Патриций весело попросил:

– Полегче насчёт местных.

Вихрастый пренебрежительно глянул и кашлянул.

– Да, я что... ты не гоношись, кирюнечка.

– Служу небу и земле. – Сухо вымолвил тот. Внезапно на его лице проступило на короткий миг выражение крайней злобы, смелые черты исказились.

Но немедленно злоба стекла за воротник. Патриций спокойно кивнул, показывая, что предмет разговора исчерпан.

Вихрастый, впрочем, уже забыл о происшедшем. Он жадно пиялся в окно.

– А, глядишь, хорошо он ошибся. Зато дорогу запомнил.

И он рассмеялся. Не глядя, ещё смеясь, вымолвил сквозь зубы:

– А ты чего личико вот этак обтёр тогда?

И он провёл по лицу ладонью к подбородку и зашептал что-то. Патриций выдержал его прицельный взгляд.

– Разве?

– А то.

Вихрастый шутя погрозил:

– Боялся, что с гор Баалзеб спустится? Иль ещё кто? Ежли ты, кирюха, служишь небу и земле, так ты штучки свои брось. Не спустится Баалзеб и, тем паче, заради врага ближних своих. Это, я думаю, и ваш Баалзеб понимает.

– Горы, – мирно отвечал патриций, – вообще, амиго, опасное место.

Тот кивнул, взял из кармана горсть зёрнышек и сунул одно между зубов.

– А то.

Он перебрал папки и, показав одну, распухшую, подклеенную, насмешливо молвил – и эта насмешка была знаком окончательного примирения:

– Всё надеешься?

Напарник оскалился и отвернулся.

Вихрастый развязал папку, из неё торопливо разбежались бумаги, выскочило из-под скрепки фото. Вихрастый разглядывал, потом взглянул на товарища.

– Живописцы, да. Не взять нам. Работают солидно, с размахом.

Патриций заворчал:

– Фальшивомонетки хуже убийц... особенно, когда война.

Вихрастый невесело молвил: «Ха!», задумался.

– Когда мы за них взялись?

Патриций отобрал папку и перевернул фото.

– Они до нас ещё цвели. Дело открыли четыре года назад, в другом отделе. Потом закрыли, но от населения стали поступать вопросы и его передали нам, как политически деликатное.

Вихрастый поворошил папку и потрогал фото.

– Ишь, а мастаки. Купюра-то достоверная.

Патриций, не глядя, сквозь зубы проговорил:

– До того достоверная, что вызывает вопросы не только у населения.

– Дак они клише спёрли. Это-то мы установили.

Патриций постучал пальцем по бумагам.

– Руководители крупных окраинных предприятий проявили преступную халатность.

Вихрастый весело изумился.

– Это ты про какие предприятия говоришь?

Он показал возле лица скрещенные пальцы. Патриций осклабился.

– На себе не показывай. Да, именно. Выплачивали гражданам исключительно фальшивыми деньгами.

– Это не граждане.

Патриций холодно возразил:

– Цезарь сказал, что наша система исправления падших самая гуманная в ойкумене.

Вихрастый молчал.

– И потому им выплачивают... за исключением окончательно падших. И персоналу тоже. И вот, если изволишь вспомнить, амиго, эти деньги вдруг появились в городе.

– Ага, зэка посылали конвой за сигаретками, а конвой вместо сигареток решил купить себе кой-чего другого. Там и повязали, когда Кой-Чего передало деньги мадам.

Он добавил примирительно:

– Да поймаем мы их.

Тот молчал.

– Не веришь?

Напарник поднял взгляд.

– Их защищает кто-то...

– Для нас неприкосновенных нету.

Вихрастый прилёг локтями на стол и выпучил глаза.

– Полуночные защищают. Рогатые... с хвостами. Глянь-ка, хвост... А?

Ответа он не услышал, заскучал и взял горстью особняком лежащую папку, а другою рукой прозондировал карман. Сквозь слабый треск скорлупы спросил:

– А это что здесь?

– Из того отдела прислали, – плечом неизвестно куда показав, объяснил смуглый кирюхпатриций.

– Чего это? У них своя работа, у нас своя.

Вихрастый скосил оба глаза на кончик носа и попытался подцепить ногтем прилипшую к губе скорлупку.

– Ежли это у них работа. Нашли время, война, они каких-то давешних похитителей ищут. Там в горах дикие эти упустят своё дитё в речку и бегут с криком, дискать, кондор уволок вместо ягнёнка. Их бы к нам...

Он пощелкал выключателем лампы.

Патриций явно решил завершить разговор.

– И ты веришь, небось? – Продолжал вихрастый, нечаянно включив лампу, когда напарник повернулся к нему. – Ох, извини, брат.

Заслонившись от выжигающего глаза света, патриций отозвался с неприятной сдержанностью:

– Товарищи работают без нареканий. Дети это будущее, сказал цезарь.

Вихрастый долго молчал. Патриций добавил:

– Я не верю в Баалзеба. Я верю в цезаря.

Вихрастый выкрикнул:

– Слава цезарю!

Патриций поднялся с места, прикладывая руку к смоляному черепу. Протянул руку и выключил лампу.

Семья Аксаковских на вечеринке

К вечеру собрались все. Пришёл Илья Аксаковский, костлявый и смуглый, неся перед собою широкую добродушную ухмылку и профиль, как у какого-нибудь шевалье в знаменитой книжке. Фигурой из готического романа возникла в дверях тоненькая в чёрном платье, в белом клобуке сестры милосердия, Поля. Фигура эта немедленно удалилась в спальню с глаз долой, как воспитанное привидение. Сняв форму, натянула одно из приданных платьев Калерии, сразу превратившись в домашний свежий цветок. Анастасия, младшая сестра, сменившая свою фамилию на мужнину, очень известную, и овдовевшая в первый месяц войны, пришла тоже. Оля задерживалась, но когда явится, своим присутствием не испортит эту теплицу с превосходными экземплярами утончённых сортов, распустившимися супротив логики ледяной весной.

Накрывали на застеклённой терраске, выходившей окнами во внутренний двор. Под высокими окнами с наичистейшим стеклом, отмытым до того, будто и не было его вовсе, тянулись так называемые аксаковские сундуки: обитые дерматином скамейки с откидным верхом. Чего там только не прятали!

Во-первых, там хранилось всё, что осталось от родительской библиотеки. Это было немного. Дюжина романов на разных языках и страшной толщины, три книги об архитектуре, причём, автор одной из них сам Илюшка. Ещё имелась папка с рисунками. Так, пустяки – очень недурные изображения всяких бедных копчёных рыб на сколотых тарелках, кособокие, но необычайно убедительные картофелины, и, конечно, виноград... это называется натюрморт, господа. Между этими рисуночками мёртвых вещей – совершенно живая Калерия на костюмированном балу «Молодёжь города против суеверий». Костюм не слишком обильный, под марлёвкой видны ноги без отвратительных грубых чулок. За плечами накрахмаленные крылья, маска, похожая на этот же атрибут сестры милосердия. Общее впечатление – сильное, хотя и не вполне ясно, причём тут суеверия. Это всё. Очень разумный выбор... Ежели кто поинтересуется, и не стыдно будет и вопросов возникнуть не должно.

Во-вторых, и в последних, всякая всячина – от старинных щипцов для завивания кудрей, прибора порыжелого от отсутствия внимания, до разнообразного устрашающего инвентария Ильи, человека, по его собственному уверению, могущего починить всё. Засохшие кисточки, до сих пор поражающие оригинальностью смеси застывших красок. Ни одной газеты для заворачивания мусора. В углу справа открытая коробка от монпансье, в которой нашли гигантский кокон бабочки, да там и оставили. Кокон пугали Поленьку и втайне каждый проверял, не вылупилось ли в неурочное время существо. Кокон еле приметно шевелился, приветствуя своих поклонников или просто его сердил внезапный поток прохладного воздуха.

Диванчики делились на правый и левый. Между ними помещался круглый стол на каких-то лапах. В столе посреди неведомый мастер прорезал блюдо для хлеба и дивным образом зачем-то устроил орнамент из львиных выразительных физиономий по кругу.

Сейчас стол слегка подвинули, так как Оля утверждала, что Илья ей на ногу наступает во время ужинов. Илья отрицал наветы, но обещал сделаться скромнее.

– А логика где? – Сухо узнала Оля.

Илья согласился, что её нету.

На полу под защитой бывшего пианино сидел с лошадкой трёхгодовалый сынишка Калерии и обращался ко всем проходящим. Он говорил уже недурно, и Илья утверждал, что из него выйдет поэт, причём непременно будет сочинять военные баллады.

Так он сказал и на сей раз.

– Тоже мне, Киплинг. – Хмуро отозвалась Калерия.

Увидев Анастасию, мальчик заковылял к ней и, вцепившись в её длинное платье, невинно и высоко его поднял. Калерия холодно произнесла, глядя, как сестра, не обращая внимания на то, что открылись довольно щедро её ровные стройные ноги, садится на пол и прижимает мальчика к себе:

– Я твоя мать, а не она.

Анастасия ответила ей нежной улыбкой, прижимая подбородок к макушке мальчика.

Он увлечённо хватал её за лицо, пробовал распустить густые длинные волосы, уложенные в старомодную причёску «спящий дракон», потом свалился на пол и поволок к ней лошадку.

Он уселся на лошадь, поддерживаемый ладонью Анастасии.

– Вот извольте-с. – Громко возмутилась Калерия. – Это твоя мамочка, любезный?

Она на минуту села рядом на пол, и сестра коснулась её плеча своим. Калерия встала.

Поля принесла малышу кулёчек с разноцветными мармеладками, которыми её угостили в госпитале.

Калерия отобрала лакомство и заперла в буфет под причитания Поли.

– Зубы испортит.

Мальчик заподозревал что-то, неожиданно взвыл, показав отменные белые зубки.

Илья с удовольствием сказал:

– Детство Графа Дракулы.

Посмотрев на девушек, поспешно исправил:

– Гражданина Дракулы.

Присев перед малышом, он взгляделся и очень серьёзно сообщил:

– Удивительно красивое дитя. Он похож на тебя, Калюшка... но есть в нём некий намёк на брутальность его отца.

Каля, отвечавшая на расспросы Поли о приходившем сегодня фотографу, пожала плечами в небрежно наброшенном на сорочку халате. (Ибо такое одеяние хозяйка избрала к приходу гостей.)

– Сколько карточек сделали?

– Две. Одну с лошадью, вторую со мной.

– Вот, уже баллада про девушек и коней. – Подтвердил, вставая, Илья.

Каля подморозила его взглядом.

– Баллада про первых, надеюсь, на сегодня написана.

Илья соорудил из своего носа с очками и рта рожу для малыша.

– Отчего же. У меня новые рифмы.

Поля хихикала, как колокольчик, без передышки.

– Без изъяна? – Спросила Калерия.

Она приподняла халат.

– Не кривоногие, надеюсь?

Илья заслонился растопыренными пальцами.

– Ты бы, Калерия, оделась, что ли. Я твой брат, но и меня в испарину бросает.

Калерия фыркнула и принялась вдевать ручонки малыша в рукава унылой серой кофточки.

– Ой, зачем, он такой нарядный, – запричитала Поля. – А натоплено изрядно.

Каля откинула крышку дальнего сундука и выдернула крохотный тулупчик.

– Горшок доставать неохота.

Натянув на приплакивающего сына одежонку, она подхватила его и понесла во внутренний дворик.

– Новые девушки на стройке. – Вслед интриговал Илья. – И с одной из них я тебя познакомлю.

Каля задержалась с малышом наперевес.

– Не люблю военных баллад.
– Смуглых и круглолицых, с веснушками... с косою цвета... ах, даже не знаю, какого цвета?

Поля удивилась.

– Ничего такого завлекательного.

– Значит, я не умею сочинять баллады. – Извинился Илья.

Поскольку хозяйка предоставила гостям право самим накрыть на стол, то они и занялись этим. Анастасия бережно выкладывала из сумки собственноручные прелестные пирожки, Поля нашла скатерть с вышивкой, к которой приложили руку ещё до появления на свет телевизионного поколения. Илья, иногда ночевавший в семейном гнезде, удалился в коттедж с привидениями.

– Опять Чёрная Стрела. – Сокрушённо заметила Анастасия. – Ну, открой ты эту бутылку.

Илья с порога в февральском воздухе ответил:

– Если открыть её раньше предназначенного мной времени, это может повлиять на мою участь.

– Ах, ах. – Молвила Анастасия.

Поля украдкой вытащила коробку папирос и, как всегда со вздохом, прочитала надпись: «Если Вы волевой человек – бросьте курить!»

Каля сходила с сыном в руках к торжественному деревянному домику, выяснила, что поход не нужен. Потом вынесла ребёнка к живой изгороди и пустила на пробившуюся недавно ярко-зелёную траву. Потуже стягивая халат в этом весеннем холоде, заставляющем дрожать от предвкушения каждую веточку, она села на скамейку и заорала:

– Полька, выдай!

Поля вышла, также подрагивая всем цветочным телом и приговаривая: как же ты не застудишься. Она протянула Калерии вынутую изо рта папиросу, тлевшую на кончике.

Удаляясь, она уже поспешно переспрашивала, что сказал Илья.

Ветерок плутал в изгороди, посвистывая и забираясь в спящий куст роз, торчавший, как моток проволоки.

Малыш внезапно заковылял к матери с распахнутыми руками, довольно внятно растолковывая, что необходимо сделать немедленно.

– Не добежим? – Спросила она и, получив яростное подтверждение, вздохнула.

Калерия погасила папиросу, ткнув её в землю и подхватив ребёнка, ушла с ним под куст. Помогая ему, она задумалась, глядя перед собой. По улице кто-то шёл. Ребёнок заворковал. Внезапно Калерия прислушалась и, глядя на ребенка, поднесла палец к губам. Мальчик замолчал.

Кто-то говорил на улице. Последовало молчание. Мальчик вопросительно глядел на неё. Калерия убрала палец и кивнула. Тулупчик с золотой макушкой удалялся по тропинке к вековому дереву. Выглядело это умильно и жутковато – будто кто из Маленького Народца появился.

Калитка открылась. По дорожке шла Оля.

– Вы не волевой человек, – сказала Оля сразу и поддела кончиком туфли папиросу.

– Ты кого-нибудь видела на улице?

Оля улыбнулась мальчику и пригляделась к его матери.

– В смысле, кого-нибудь из фольклора?

Каля изловила отбивающегося ребёнка, и подруги вошли в дом.

– Вы, – начала Оля, уставив палец в Поленьку...

Та завизжала, отмахиваясь папиросой.

– В самом деле, немилосердно это, – радостно заныл Илья. – Чтобы доказать вам нелепость и жестокость этой надписи, представьте себе её на челе, скажем...

Он оглядел девушек, и Поленька закрылась руками.

– Словом, на челе прекрасном и скрывающем уйму светлых мыслей.

Дурная шутка понравилась Поленьке, и сквозь пальцы засветился хитрый поленькин глаз. Заметив это, Илья принялся уверять:

– Господин, побывавший в аду, придумал это, а не я.

– А у нас есть ад? – Спросила Олюшка. – Где, вот законный вопрос.

Каля ушла с ребёнком в спальню, и там, переодевая его, прислушивалась к разговору на террасе. Малыш схватился за шнурок, вылезший из-под его рубашечки и, скосив огромные глаза, принялся рассматривать стеклянный шарик, в ноготок размером, с чем-то пересыпающимся внутри. Калерия нахмурилась, отобрала шарик, несильно хлопнула кончиками пальцев по его ладошке. Мальчик заворчал, показывая блестящие зубки, тут же утешился и пополз по ковру. Поймав за рубашонку, Калерия усадила его в кровать за сетку и приложила палец к губам.

Мальчик старательно кивнул, но жеста не повторил.

Она подошла к двери гостиной и, взявшись за ручку, услышала, как Оля говорит:

– ...А я ему – законы квантовой физики допускают превращение, амиго. Это вам не сказочки и не буржуазные предрассудки. Если бы я увеличила расстояние между вашими протонами, вы бы увеличились в сотню раз и смогли бы прикуривать от нашей телебашни.

Вмешался резкий от сдерживаемого смеха голос Ильи:

– А он только что бросил курить?

– Нет, спорить не стал. Но переспросил про законы.

– Смотри, как бы ему не приснилось чего.

Хихиканье Поленьки перекрыло разговор. Каля подобрала со стула платье сестры милосердия, встряхнула, оглядев. Содрав с себя разом халат и сорочку, она натянула платье. Тройное зеркало отразило движение. Взлетающая ткань, свет и тень на гладкой коже, метались, превратив зазеркалье в бальный зал, где вальсировала чёртова дюжина красавиц.

– Нет, честно. Вот вам благородное слово. *Пахголь унэтт*, как папенька мамёнке говаривал, когда... ну, не важно. Это такая наука. Вот увидите, она преподнесёт сюрпризище. Берутся такие мельчайшие частички из нашего тела... ах, Полина, это не больно, и вы бы могли это сделать. И соединяются с частичками из, к примеру, картошки. Ну, да. Вот поверьте, когда-нибудь учёный сумеет соединить картошку высшего сорта, скажем, с акулой-молотом. – Говорил Илья под непрерывный смех Поленьки и одобрительную беззвучную ухмылку Ольги, когда она вошла.

– Фу, ты. – Прервал он себя, глядя, как сестра идёт к своему месту, хотя стол ещё не был накрыт.

– О чём это ты так интересно рассказывал?

– О лженауке. – Пospешила Поля. – Средневековые суеверия... стыдно слушать. Но смешно ужасно.

И она подтвердила свои слова, закатив глаза и откинув голову в новом приступе сладкого смеха, который только Илья и мог вызвать. Так и говорили – Илюшкина зубодробилка.

Сей специалист сузил глаза в чёрных ободках.

– Вот мне интересно, что символизирует твой наряд? Не предрекаешь ли ты мне перемену участи?

– Милосердие. – Предположила Оленька.

– Ой, у тебя оно сзади... сзади... – Заворковала, давясь остаточными нотами Поля.

– Попробуй, застегни его. – Буркнула Калерия, шевеля плечами.

Она сидела, закинув ногу на ногу, так что платье туго обтянуло её от плеча к щиколотке.

Оля доброжелательно присвистнула. Поленька кинулась устранять недочёты.

– Калерия, ты не ответила на поставленный мною вопрос.

– А почему я должна отвечать?

– Потому что на вопросы надо отвечать. Это тебе, кто угодно скажет.

– Всегда и везде. – Тишком подтвердила Анастасия

Илья продолжал, осёдывая креслице и выставя остроносые туфли:

– Даже если к вам пришёл страшный призрак, надо его спросить: «Кто ты и откуда?» Это тебе и папенька бы сказал.

– Это сказал не папенька. – Нелюбезно возразила Каля, отмахиваясь от Полиных снующих рук.

Она поёжилась.

– Но то был человек одной с папенькой профессии. Уж он знал, как разговаривать со страшными и неразумными явлениями.

– Ага.

– Обводя языком зубы, – огрызнулась Калерия. – Польша, поди к своим страшным привидениям. И руки у тебя холодные.

– Ой, не надо про привидений. – Взмолилась Поля. – Дело к ночи. Я потом бояться буду.

Оля подтвердила:

– Верно, не надо. Придётся тебе потом, Илья, провожать её в известное место по ту сторону двора и ждать там, причём петь при этом из официального репертуара.

Поля задумалась.

– Лучше пусть поёт «Ты не ангел, но для меня, но для меня...»

Увидев напряжённые заинтересованные лица, она обиделась, уронила нож, встрепенулась и сердито попросила:

– Ну, будет вам. Её же все этой весной поют.

Но отзвук её голоса блуждал по террасе, почему-то встревожив и опечалив присутствующих.

Прошло несколько секунд, прежде чем они поняли, что психологический эффект, каким бы сильным он не был, давно закончился, и они имеют дело со звуком вполне реальным.

Они переглянулись.

Звук доносился из комнат, нежный... похоже, где-то вода приподнимала крышку кастрюли. Или шёл неумолимый весенний дождь, после которого невесть что прорасти может. Позвольте, в спальне?

Оля вполне твёрдым голосом осведомилась:

– Кто-то включал волшебный ящик?

Каля повела головой, воротник платья стеснил её длинную, но отнюдь не тоненькую шею. Илья поднялся, Оля тоже – упираясь восковыми игрушечными пальчиками в край стола. Калерия уставилась на эти совершенно спокойные пальчики.

Поленька пока ничего не сообразила, не в обиду ей будь сказано. Каля вскочила и метнулась в комнату.

Она сразу увидела, что ящик работает, но промчалась в спальню. Ребёнок спал. На выпуклом лбу билась жилка, река сновидений. Он неудобно вывернул локоток. Калерия уложила его, как яйцо в гнёздышке.

Она вернулась в гостиную, где проём двери на террасу заслонял Илья, под его локтем просочилась Оля.

Издалека голос Поли спрашивал, что такое да что такое?

Оля посмотрела на Калю и та губами ответила: он спит.

Тогда она взглянула на тёмный экран, вернее, такой, каким он делается на минуту после выключения.

– Ящик работал.

Илья воскликнул, но на него зашикали, и он обморочно шепнул:

– Это Киплинг включил?

Калерия фыркнула. Все, по очереди заглянув к малышу, вышли на террасу. Поля опять спросила.

– Телевизор сам собой включился. – Ответила Каля.

– Не может быть.

Оля быстро посмотрела на Калерию.

– Ты это серьёзно? – Уронила вполголоса.

– Разве ты не видела?

– Не может быть, чтобы сам! Он же машина! Вечно вы меня высмеиваете!

– Я ничего не видела.

Оленька не сразу, но повернулась к Поле.

– Калерия шутит.

– А вот и нет.

Поля переводила взгляд с одной на другую.

– А что он показывал?

Калерия как будто собиралась ответить. Илья тихо пробормотал:

– Вот такого.

И соорудил нешуточно жуткую гримасу. Поленька завизжала. Оля резко отодвинулась от стола.

– Ага, проняло. – Заметило чудовище и вновь превратилось в Илью.

Оля уже взяла себя в руки и заметила:

– Да, среди дикторов есть и покрасивее.

Каля усмехнулась. Она поняла, кому предназначается шпилька. В семье её поддразнивали пристрастием к одному из дикторов. Обычно Калерия раздражалась, но сейчас осталась равнодушна.

В конце концов, может ведь такое быть? Что показалось? Она вновь попыталась вспомнить – вот она ворвалась в комнату, все её мысли о сыне... она огибает низкий диван и краем глаза видит, что маленький, с личико барышни, экранчик работает. Светится...

Внезапно она прекратила изыскания.

Илья обратился к Поле:

– Давайте лучше разговаривать про мужскую красоту. Вот вы, Поля, опишите мне, первыми попавшимися словами мужчине, который бы вам понравился с первого огненного взгляда.

– Чьего взгляда? – Заинтересовалась Каля и приподнявшись, уставилась на дверь с террасы.

Повторился стук, которого они за разговором не услышали. Все мгновенно обменялись взглядами – не иначе, грозовой разряд над столом. Илья молча встал и неслышно подошёл к двери.

– Кто?

Анастасия в один вздох побелела, шея её склонилась, точно «спящий дракон» оказался слишком тяжёл для неё.

Из-за двери мужской, не слишком низкий голос отчеканил вразбивку:

– Валерьян Львович Верещагин, авиации майор, ищу квартиру.

Илья взглянул на сестёр, потом на дверь, за которой спал ребёнок, и громко пригласил:

– Входите, Валерьян Львович.

Калерия подалась вперёд. Анастасия робко подняла голову. Краска возвращалась на её щёки.

Дверь открылась, вошёл долговязый майор с блеснувшими золотом и голубым погонами, с узлом в руке. Девушки вытянули шеи – голова Верещагина пылала рыжим светом. Звезда

выпустила уйму лучиков с груди его. Он оглядел всех: глаза останавливались на девушках и мерцали. Лицо его было белое, с острым, торчком стоявшим подбородком.

Внезапно он покраснел. Поля потянулась за ножом, но застыла неподвижно.

Илья с трудом удерживал наглую облегчённую ухмылку.

– Абажур, похоже, устарел.

Он повернулся к Поле и, наклоняясь за ножом, заметил:

– Какова зажигалка?

Лётчик поставил на пол узел и тоже потянулся поднять нож, но Илья, показав ему, спросил:

– Верите ли вы в приметы, майор?

Тот, всё ещё пламенея до подворотничка, лихо да тихо ответил:

– И дурак пришёл.

Калерия рассмеялась и поднялась из-за стола, поддерживая плечом платье.

– Калерия Аксаковская. – Сказала она, протягивая руку, будто не вовремя ожившая статуя. – Садитесь.

Рука была протянута для рукопожатия, но гость, казалось, засомневался, а когда его белые, усыпанные веснушками, пальцы коснулись маленькой обветренной кисти, пожатия не состоялось. Лётчик на мгновение обессилел, и это выглядело очень привлекательно – с точки зрения значительной части публики.

Илья поигрывал поднятым ножом. Лётчик зачем-то взял нож из руки Ильи и, кланяясь, как купец всем по очереди, тяжело сглатывая, проговорил:

– Вломился в ночь, как призрак или...

Он осёкся. Илья покивал на него Поленьке и сел, сложив руки на груди. С Олей у него состоялась ударная дуэль из парочки взглядов.

Оля проговорила голосом злой феи:

– Отнимите кто-нибудь у него холодное оружие.

Кашлянув, Илья пересел с левого диванчика на правый и, склоняясь кривым профилем к майору, которого взялась усадить Оля, деликатно предположил:

– Я чувствую, у вас ком в горле, Валерьян Львович.

Калерия закричала:

– Только не Чёрная Стрела!

Илья метнул на неё глаз и, играя бровями, вполголоса сообщил, касаясь плечом погона:

– Видал-миндал. Уже боится за вашу жизнь.

Он протянул лётчику костлявую коричневую руку с ухоженными длинными ногтями.

– Илия Аксаковский, мостостроитель, брат особы, не удосужившейся представить вам, в какое положение вы попали.

Валерьян Львович, понемногу приходя в себя, руку принял, и пожатие его было сухим, сильным. Оба почему-то встали.

– Я про вас слышал. – Молвил лётчик и через весь стол посмотрел на Калерию, жестами разгоняющую свою свиту по террасе.

– Дамы, у него горячие руки. – Сделав ладонь дощечкой, прошипел Илья. – Это я так, на всякий случай.

Илья поманил с собою человека с горячими руками, повлёк к двери кладовки. Оттуда под его руководством принялись извлекать лёгкие ладные креслица.

Поля застыла с серебром в руках.

– Ох, значит, вы очень здоровый человек. У вас, это, обмен веществ хороший.

Лётчик опять глотнул, будто серебра расплавленного.

Илья повёл рукой с когтями:

– Вот-с, имею честь вас представить воплощённому милосердию. Кажется, она одобряет решение медицинского совета, поставившего вам добро в вашей книжечке.

Поля подавилась птичьим клёкотом и, не сводя глаз с рыжей головы, потащила к буфету под чрезмерно резкий окрик Калерии.

Рассаживались.

Лётчик перевел глаза на тонкую, невесомую в поясе Анастасию, склонившую «дракона» к плечу. Та кротко улыбнулась ему. Лётчик, покоренный её нежной красотой, привстал, но Илья интимно нажал ему на колено.

– Тш, милейший Валерьян Львович, – прошипел он. – Этак вы переутомитесь вставать. Мы, знаете, живём по новым и даже новейшим правилам, хоть и происходим из семьи служителя культа, имевшего некоторые трения, н-да...

Оля, прижимая к себе рулон тяжёлой скатерти, вытащенной по приказу Калерии из сурового с виду буфета, под села и, обдавая лётчика очень свежим запахом старого полотна и слабых девических духов, прошептала:

– Ольга, служитель нового культа.

Она прикоснулась к погону. Лётчик, скосившись, смотрел на очередную нимфу, вынырнувшую из воздуха.

– Я с телевидения и сразу прошу вас.

Илья перегнулся к ней через лётчика.

– О чём, о чём?

– Об интервью.

Калерия провозгласила, властными жестами указывая сестре на другое блюдо:

– Не соглашайтесь. Она вас измажет зелёной краской и напудрит вас, как арлекина.

Илья удовлетворённо кивал.

– Словом, вертеп. – Подытожил он. – Ах, да... – Добавил он, не слушая, из милосердия, как лётчик нечленораздельно бормочет о прекрасном последнем приюте. – Вот-с за этой дверью спит младенец, записанный мною в некий славный полк за месяц до того, как у него стали резаться зубки.

Он с удовольствием наблюдал острое смущение и любопытство обладателя горячих ладоней.

– Это моё. – Отозвалась Калерия. – Муж... – Она подумала. – Вероятно, тоже где-то расквартирован.

«Ого», смеясь глазами, сказал себе Илья. Оленька, изловившая его взгляд, опустила ресницы.

Лётчик, путаясь в словах, принялся расспрашивать, в каком звании, где служит...

Илья жутко смутил его, добродушно подшепнув:

– Вы как дединька наш, когда к нашей маменьке папенька присватывались.

Калерия прикрикнула:

– Немедленно отнеси вещи Валерьяна Львовича в коттедж. И дай ему хотя бы...

Илья вытащил из-под стола бутылку, при виде которой Анастасия поморщилась и состратательно взглянула на майора...

Лётчик, однако, неприлично оживился – грудь его приподнялась под мундиром, так что португеза блеснула, на белых щеках выступили яблочные пятна. Человек был с дороги, и звезда на его груди, как Венера на небосводе ночи, говорила о нём так много, как умеет одна лишь Венера из тьмы.

– Ах, да, – болтал Илья, вращая бутылку и втискивая в ладонь Валерьяна Львовича невесомой отмытости стакан, – забыл. Привидения в коттедже и крокодил во дворе – это непременные персонажи, так сказать, статисты.

Они, прячась от тяжёлых взглядов Калерии, выпили по стакану страшного, ударяющего в голову грубого вина, в которое сам Илья в жёлтом октябре превращал с десятков килограммов синих, почти чёрных гроздей с лозы во дворе.

Стаканы не сдвинули – Илья пояснил:

– Это в память brave парня, третьего дня положившего душу за други своя.

Вино преобразило бедолагу пилота. Выпрямился в кресле спокойный молодой человек с дерзким взглядом, с хорошими манерами, вернувшимися к нему вместе с умением держать себя постоянно на взводе.

– А что, крокодил? – Чуть-чуть опьянев с отвычки, отчего его речь приобрела приятную развязность, молвил он. – Он не из каких-либо, м-м... учреждений? А?

Илья похлопал по ручке кресла.

– Ни, ни. – Твёрдо заверил он.

На Илью Чёрная Стрела не действовала, он только посмуглел и движения его стали вкрадчивей.

– Таких не держим-с.

– Да? – Ляпнул лётчик, не зная, что сказать. И сказал – А я думал...

Осёкся.

– Что старый продавец заклинаний для толпы был иных привычек, – подхватил Илья.

Каля, вставшая и направлявшаяся в кладовку, издали ввешалась:

– Нет, тятенька норовили в шютке ходить и гостей любили собирать.

Илья небрежно, на правах семейного хроникёра, подкинул:

– Через то был и вызываем и расспрашиваем.

Лётчик приподнял рыжую до смешного бровь.

– Ух, ты.

Илья, ворочая стол со сползающей скатертью, шутовски кивнул:

– А то. И вот туда-то пошёл не в шютке.

Оля шагнула в комнату незаметно в светленьком платье, до того простеньком и скучном, что как бы его и не было вовсе, а наличествовала только лёгкая фигура, проступающая сквозь досадное облако. Она заговорила журчащим голосом:

– Авгур Прокопий прибил там посохом того, кто с ним беседовал. Ну, не насмерть... Это не из сборника городских легенд. – Добавила она, подходя, и зубки беличьих показала.

Лётчик молча размышлял.

– Думаете, не убежать ли? – Тихо спросил Илья.

Валерьян – оп! – поднял глаза, чисто выстрелил ими, и пробормотал:

– Вы меня за дурака числите или за кого? Лучше уж за дурака.

Илья одобрительно хмыкнул и пробормотал: «Эти плечи дорого стоят, хорошенький мой, дорого стоят».

– Что? – Улыбаясь, спросила довольно громко Оля. Ручейки журчащие иссохли.

Лётчик отвернулся к окну, чтобы взять вазу с яблоками. Олюшка показала распрямляющемуся и упёршемуся кулаками в колени Илье: шея гостя с рыжим пухом, выбившимся из-под бритвы, была красна густо.

Илья поднялся чётком на пружинке, вышел. Лётчик – обычного цвета, вернувшийся в общество, различал в темнеющем окошке, что тот идёт через внутренний дворик, видимо, к тому самому коттеджу.

Поля вошла и, озираясь, принялась шарить в буфете.

– Чего тебе, Польша? – Спросила Олюшка.

Та показала маленькими пальчиками что-то в воздухе.

– Мармаладошки. Она спрятала, а я хочу масюсечке их...

С порога раздалось рычание. Поля подскочила, да и Оля, и лётчик вздрогнули. Калерия, недурно изображая крупную охотящуюся кошку, приближалась к Поле, двигая под платьем лопатками. Та визжала от блаженного страха.

– Красавица моя... Елена Прекрасная... Голубица... – Рыдая, вопила Поля, которую, сопя, кусала Калерия, шумно дыша ей в ухо и шею.

– Такая-то красота, и в едином енземляре... – Кричала Поля. – Где ж ещё такую сыщешь? Оля обводила пальчиком чашку по краю.

– Да если б была такая, второй Луны, как говорят в горах, небо не выдержит.

– А, может, и была. – Хрипло заявила Калерия, отдышавшись, но придерживая добычу. – По семейной легенде нас было двое.

Она вытащила из угла рта Полин волос.

– *Две*, вернее. – Уточнил вошедший Илья (когда успел выскользнуть?), дотошный к таким телячьим нежностям.

Он что-то держал под курткой.

– У вас была сестра?

– Да отчего же... вот она.

Анастасия молчала, приветливо поглядывая на говорящих.

– Близнец у меня был. И назвали её якобы Валерией.

– Аксаковские атакуют, – пошутил Илья, пробираясь к столу.

– Что ты там прячешь?

Лётчик встопорщил рыжий чуб, размышляя. Поймав внимательный взгляд Анастасии, не зная, что ей сказать, просто улыбнулся. Внезапно та ответила гневным и холодным взглядом, лицо её столь разительно переменялось, что опешивший лётчик не знал, что и думать.

Хохот за буфетом отвлёк его. Калерия сражалась с Ильёй, который сопротивлялся, постепенно вытягивая из-под куртки бутылку шампанского.

Калерия выхватила её.

– Да переменится участь. – Со вздохом молвил Илья. – Если на то воля с высот.

Каля цыкнула на него.

– Не суесловь.

В этот момент запутавшийся в проявлениях эмоций милейшей семейки лётчик краем глаза заметил, что Анастасия что-то подняла с полу, и решил подойти к ней, ибо двойственность была чужда этой душе.

Он столкнулся с распрямляющейся Анастасией в суতোлке креслиц между стеной и столом, и такого кроткого и побеждённого кротостью красивого лица, признал он, ему не доводилось видеть. Она ласково и открыто кивнула ему, и он растерянно прижался к стене, пропуская стройную высокую даму – задеть, хоть край рукава, поместилось ему немислимым.

Калерия выпустила бутылку и отпихнула Илью. Мелькнувший за раскрытым воротом на его шее шнурок обратил на себя внимание лётчика и Поли, следившей за рыжим в эту минуту.

Медсестра прочирикала:

– Всё же вы носите под рубашечкой охранный знак, Илюша

– Да ни в жизнь – отозвался он, подымая бутылку. – Носить на коже знак казни, притом, добровольной – это не по мне. Из всей оставшейся семьи подобное целомудрие присуще только одной прекрасной моей сестре.

– У вас их две. – Заметила Оля.

Анастасия, склонив голову с прямым пробором, улыбнулась кому-то невидимому. Линия её профиля, как мерило правильности происходящего, таяла в сумрачном уголке застолья.

Два гигантских красно-коричневых яблока, крупно вылепленные светом на скатерти, словно цедили незримый яд в воздух. Красавица, без всяких дополнительных военных целей,

повела длинными некрашеными ресницами и отпустила под их сенью бессловесное послание сестре.

– Вы заметили. – Кротко, без издёвки произнесла Анастасия.

– Ах, ах. – Воскликнул Илья. – Но реликвию носит только самая старшая.

Каля фыркнула.

– Я младше на десять месяцев. – Пояснила Анастасия.

Каля мрачно и насмешливо взглянула на неё.

Илья сманеврировал к лётчику своим треугольным костлявым торсом, затиснутым в пиджак, похожий на подобранную в театре в углу визитку, с развёрнутым щедро воротом, и шнур по-змеиному шевельнулся на жилистой шее.

– Вот вы, Валерьян, могли бы испросить благословения на полёты у неё. Она принесёт вам удачу, вам это нужно, ведь так?

Рыжий парень застеснялся. Покраснев до корней коротко обрезанных жёстких волос, он пробормотал:

– Не откажусь.

Калерия гневно сдвинула брови, и, казалось, глаза её тоже сошлись к переносице, тоже прямой и короткой, как у сестры, но более телесной, как у юного животного. Скульптурно точный милейший нос дамы должен бы заканчиваться кончиком-ринариумом. Валерьян Львович совсем перепугался. Он схватил и вертел бокал тонкими сильными пальцами, но над острым подбородком в уголке сжатых узких губ шевелилась, как живая, нескромная улыбка.

Медсестра метала нежные острые взгляды голубых глаз над столом, как воплощение молодой похоти, безразличной к выбору объекта.

– Не пугайтесь. – Присоветовал Илья и подбросил в кулаке бутылку с приподнявшимся уже и опасно пошаливающим штопором. – Не бойтесь немилосердную даму. Полина, это я не тебе. Вот я сейчас вам фокус покажу.

Каля взглянула на бутылку и сквозь оскаленные белые зубы прошипела:

– Попробуй...

Илья вертел в руке тело бутылки. Яблоки засветились, когда блик от лампы прошёл сквозь стекло, и глаза Ильи тоже сверкнули.

Лётчик искоса посмотрел и отметил, что кулак штафирки крепче, чем можно предположить по его сложению.

Илья без слов поднял бутылку повыше. Шампанское двигалось в бутылке медовым сгустком, как неведомая форма мыслящей жизни.

Каля привстала над столом. Лётчик, почти болезненно отмечавший все её движения, вздрогнул: ему показалось, что девушка приподнялась вместе с креслом, такую силой повеяло от неё разом с грубоватым запахом дешёвого одеколona. Покатые плечи, следом узкая талия выросли над столом – очерк силуэта не имел ни единой неточности, как чертёж невиданной машины, да не будет это дурно понято.

Илья истолковал его вздох иначе и посмотрел торжествующе. Поговору за столом лётчик понял, что готовится что-то, известное всем... его вовлекали в семейную шутку и от этого густого духа тайны он растрогался, ибо он был такой человек.

Кусок пробки также поднялся над бутылкой, вывинчиваясь в воздух, жидкость толкала его. Илья одними губами произносил сокровенные слова, корча арлекиновы рожи и плясая на сестру огненными глазами. Бутылка ездилa в его руках, подымаясь вбок в сторону, где сидели дамы. Поля изнывала от мелкой мармеладной радости. Анастасия, сидевшая на углу, подняла глаза – она не улыбалась, но глаза были мягко веселы.

Вслух он процитировал:

– И пробка в потолок.

Поднявшись в воздух, и, как показалось лётчику, зависнув на долю мгновения, сходный с пулей, кусок дерева полетел к Калерии через стол. Она вскочила, сдвинув креслице, и не отбежала, а отпрыгнула в угол комнаты, за диван. Оттуда она не взвизгнула, а прорычала что-то, исподлобья глядя на Илью.

Поля со смехом пошарила и раскрасневшаяся, с выбившейся на бледный лоб прядкой, показала выуженную из-под кресла Калерии пробку.

Все смотрели на неё секунду, потом повинаясь бровям Ильи, перевели взгляды на лётчика, оказывается, воздвигшегося во весь немалый рост и чуть скосившись над столом. Этакая мачта, устоявшая в шторм.

Громовой хохот обрушился на стол: яблоки дрожали. Илья ржал во всё горло, нескучно показывая рот, набитый зубами – желтоватыми, хорошими, виднелись даже клыки – приострённые, как у оборотня, про которого рассказывала Оля Доннерветтер неискушённому сотруднику. Блестели дурным светом глаза.

Девушки засуетились. Поля тянулась, откидываясь на кресле, и уговаривала Калерию не сердать.

– Вечно спектакль играют.

Лётчик оглядчиво сел, стараясь не грохнуть стулом.

– Что ты, Каля... – Щебетала медсестра.

Калерия вернулась за стол суровая и такая красивая, что у бедного лётчика язык присох к гортани, когда она, обводя стол тёмными от страха и гнева глазами задела его – по рыжей щётке надо лбом и портупее, матово блестящей от светящего в углу рыжего абажура.

Бокалы были заполнены всего на одну шестнадцатую, но то было шампанское, притом хорошее. Золотые кружочки плавали над столом, когда все повторяли одно слово:

– Победа... Победа...

Илья указал:

– Мы все мал-мала делаем... а вот человек...

Лётчик холодно молчал, тяжело смущаясь и получая от этого удовольствие. Калерия оглядела его красные губы, очень точно очерченные, тонковатые, и длинный, как он сам, подбородок. Поля толкнула Анастасию. Олюшка прохладно рассматривала Поленькины пожимающиеся плечи, сидя ровно и вольно в кресле.

– Почему вы стали лётчиком? – Спросила Поля.

Илья метнул на неё взгляд владельца кукольного театра и, разглядывая под столом бутылку с Чёрной Стрелой, назидательно молвил, пока рыжий мучительно искал слова для ответа на глупый вопрос:

– Как говаривал первый любавичский ребе – не задают вопросов о причинах желания.

Он вертел ненужный уже штопор.

Калерия с сожалением подумала о шампанском, которого более не было.

– А что, майор, – вдумчиво подмигивая, заметил Илья, – случались ли вам всякие штуки?..

Майор посмотрел на инструмент в его руке.

– Увы.

Поленька, с красными маленькими ушами, вмещалась, поставив оба свежих розовых локтя на скатерть:

– Ох, вы, верно, всякие фигуры умеете, Вар... Валериан, м-м...а?

Илья сухо переспросил:

– Так что, насчёт фигур? Сколько и как?

Калерия рявкнула:

– Переключите на другой канал, пожалуйста.

Она спихнула Поленькин локоть, второй, подкосившись, съехал сам.

– Я имела в виду мёртвую голову... то есть, петлю. – Растерянно бормотала Поленька. – Штопорок...

– К сожалению, – ловко двигая бокал, проговорил Валерьян Львович, переглядываясь с Ильёй, – это распространёнейшее и, увы, пагубное заблуждение... штопор не является фигурой, – он запнулся, Илья строго подкивнул, – высшего пилотажа. – Потерянно договорил лётчик и забормотал что-то вроде «прямой штопор» и «шутка ли, шутка...»

Он помялся.

– А что, не выдумка то, что я слышал в городе?

– Насчёт чего-с?

– Будто гигантские кости нашли во время раскопок... где-то наверху.

Все подумали о лиловом сумраке в горах, и лётчик, знавший одиночество полёта над землёй, вздрогнул. Его настроение передалось всем, даже Поленька притихла и перестала щипать вяленый кишмиш из тарелки, которую Оля придвинула ей, а Калерия отодвинула.

Илья провёл рукой за распахнутым воротником. Калерия недовольно сказала:

– Некому позаботиться, так сам застегнись. Взгляни на майора, вот воплощённая опрятность.

Она повернулась к лётчику:

– Он галстук в кармане носит. Чуть начальство – тащит, стыдно сказать, откуда и разглаживает на коленке.

Слегка мятый воротник Ильи затрепетал от скрытого смеха.

– Да, люди ноне холодны, нету самаритян...

– Как же. – С другого конца стола возразила Калерия. – А веснушки, косы по сию пору и прочее?

Лётчик прислушивался, чувствуя себя без малейшей неловкости – ему казалось, что он провёл полжизни на этой терраске. Он позволил себе спокойнее взглянуть на тот конец стола.

– Вам так платье идёт. – Глупо улыбаясь тонким ртом, прочирикал этот обречённый.

– Это моё... – Слабо и будто против воли проговорила Поля.

Дальнейшее сделалось необыкновенно быстро и, как успел подумать ошпаренный впечатлением лётчик – пунктуально.

Калерия поднялась из-за стола и, стащив через голову платье, подала Олюшке:

– Передай ей, будь добра.

Коттедж с привидениями

За столом стало тихо, будто кто ещё пришёл, из тех, кого надо спрашивать, кто ты и откуда. Илья беззвучно строил гримасы лётчику, захлебнувшемуся в воспоминаниях о фигурах высшего пилотажа. Тот с усилием отвёл глаза.

– Вот что бывает, Поленька, – негромко резюмировал Илья, – когда одна красавица позавидует другой. Это, милая, смертный грех. Как сын жреца вам говорю.

Поленька зарыдала в голос, взлетела, обидев довоенный, с лирной спинкой стул, и помчалась в комнату.

– Э, она ребёнка разбудит. – Вставая и с неудовольствием глядя на Илью, проворчала Оля.

Она тихо вошла в комнаты.

– Ничего. – Вслед утешил Илья. – Позволь мужчине увидеть, как плачет девушка. Редкостное очищающее зрелище и этап созревания.

Калерия молча опустилась в кресло.

Лётчик выглядел так, будто над ним заклинание сотворили. Это была мысль Ильи, а вслед за ней пришла другая, благодетельная. Он без мимических сигналов протянул, а лётчик без разговоров осушил до краёв полный бокал страшного чёрного вина. (Шампанского ведь уже не было.)

Это несколько привело полузадушенного в чувство.

Оля, выйдя и обнимая одной рукой Полю за талию, другой бросила Калерии халат.

Та облачилась в него, не вставая и нарочито, как показалось Оле, неуклюже разыскивая проймы и продолжая смотреть перед собою.

Разговор постепенно восстановился, благодаря непритязательным шуткам Ильи и ужасному вину, щедро пошедшему в ход вслед за уничтоженным шампанским. Девушки, правда, от добавочного блаженства отказались.

Летчик, улучив минуту общего разговора, когда внимание девушек всецело переключилось на Илью, перегнулся к Оле.

– А что потом было с авгуром Прокопием ... – Начал он и пожалел, ибо тут же Поленька прислушалась. Тем не менее, она продолжала всхлывать на шутки Ильи о подробностях жизни потусторонних существ из фольклора, сталкивающихся с представителями города в некоем месте, где обитатели всех измерений одинаково незащищены перед обстоятельствами.

Оля с королевским бесстрашием потребовала:

– Сигарет ваших мне дайте, лётчик.

Он вывинтился из-за стола и отошел к куртке. Оля встала за ним.

– Да нет, вот они.

Беседа за столом продолжалась вокруг ни на что не обратившего внимания Ильи.

– А ничего. – Молвила Оля, принимая сигарету нежными пальцами и с видом знатока обнюхивая туго набитую трубочку с золотым логотипом в виде крыльев.

– Надеюсь, вы не покупали их у местных. – Окликнул через стол Илья.

– А что?

– Тогда вы точно узрите привидений. – Отвечал Илья и продолжал рассказывать, как существо, размахивая крыльями, говорит: эге, амиго, культур-мультир тебя не учили в твой шайтанский школа.

– Эй, тут не дымить, яко бесы – Воскликнула Каля, следившая за рассказом с удовольствием – она любила брата несмотря ни на что, как самоё себя.

Тем временем, лётчик и Оля вышли на крыльцо, лёгкий холод спящего виноградника с угасающим месяцем взволновал девушку и молодого человека. Они вскользь оглядели друг

друга, и лётчик воодушевился: красота гражданской жизни в разных ликах представала перед победителем. Скользили тени рогатых и крылатых оленей: таковы были шутки первой весенней луны и принадлежащего ей сумрака.

Но, несмотря на лаконизм олиного ответа, разговор только начался.

– Тогда – ничего. Ничего не было. – Пуская тонюсенькую струйку, сама себе объяснила Оля.

Она указала на тонкий серп в смутно шевелящемся винограднике на столбах. В сумраке возникла и погасла красная трасса сигареты.

– Новолуние... всегда мне тяжело в такие ночи. Здесь дурное новолуние, знаете?

Она продолжала:

– И вообще у Илии такая манера рассказывать. О своём отце говорит, как об актёре... строго говоря, тому, и вправду, предлагали театр – голос зело сладок, густ. И был он довольно молод... когда...

Лётчик горячо усмехнулся.

– Я, Ольга Павловна...

– Олюшка.

Он вскользь посмотрел на просвечивающие под светлым платьем милые, очень стройные ноги – пряменькие, и Оля улыбнулась в дым.

– Так вот. Я ж не злыдень какой. – Сказал Валерьян. – Я абсолютно согласен с тем сказочным существом, которое изобразил Илья. Пуще горькой редьки мне эти, получавшие отличные оценки в шайтанской школе.

Оля взглянула, подвигаясь в круг света от маленького фонарика, укрепленного ещё Борисом в ветвях виноградника – проволока припутана к лозе накрепко.

– А вы хоть ели горькую редьку? Местная хороша – горло дерёт, нечисть выводит... у Поли спросите. Только не при Илье – а то он распишет вам некоторые её свойства

– Чьи?

Оля подвигала сигаретой.

– Я про редьку говорила.

Лётчик выслушал.

– Я, – поведал этот славный парень, – пробовал и горькую редьку.

Она полуобернулась.

Из окна донёсся яростный на все голоса звук, как пред концертом, когда пробуют инструмент: смеялись. Над всем воспарил звучный женский гоготок, от которого вздрогнули плечи лётчика.

Лётчик вдруг посмотрел на смещающиеся тени под виноградником. Тревожимые согнутой иголкой еле приметного месяца они пробирались по дворику до самой живой изгороди.

Она заметила его взгляды и пояснила сигаретой:

– Ныне виноградник не обрезают. Борис сам не обрезал никогда, звал одного местного. Ну, а мы не нашли, запропастился куда-то. Так что Чёрная Стрела под вопросом.

– Да, искусство. – Неуверенно похвалил лётчик.

Оля прислушалась.

– Веселятся. Что там ещё Илья сочинил? Второй-то бутылки нету, это он ради вас.

– Честь. – Серьёзно заметил рыжий парень и снова поглядел на тень, торопящуюся с волочащимся хвостом жимолости от калитки. – Вы никого более не ждёте?

Оля пожала плечами.

– Кого же? Вся наша банда в ссоре... ах, я хотела сказать, в сборе.

Насмешливо прищурилась в дыму.

– Извините... словечки... это всё Илья... веселит он нас... потешный мужчина...

– С кем поведёшься, – сообщил Валерьян.

– Верно – Кивнула Оля. – Ну, так вернемся к ним... а то не все смеются.

Валерьян хотел возразить, но на что, собственно. Шагнул, чуть не оступился. Почувствовал Олины пальцы на рукаве.

– Вы в воздухе так же широко шагаете?

Неловкий смех был ответом.

– Рост проклятый.

– Ах, да... Ноги мешаются, да?

– Да, бывает.

– Ах, не всегда на земле нам мешают наши тела.

Молчание явилось кем-то третьим между ними. Оля смотрела так, ну видит в темноте барышня.

– Странные вы какие-то. – Хмуро сказал лётчик. Он помрачнел и рыжина его погасла.

– Ну, ну.

– Но красивые. – Смешавшись и подставляя себя фонарику, так что заблестел погон, простил рыжий.

Оля увела его в дом и вовремя, кажется.

– К слову, о страшных существах, господа. – Возвысил голос Илья и все, не сразу затихнув после предыдущей шуточки, прислушались один за другим к посерьёзневшему властному и насмешливому голосу.

– Давеча слышал я, что вводят войска.

– Фронт разве переместился?

– Фронт не переместился... говорят, внутренний враг оживился на пограничье с некоей территорией. В горах усиленный патруль.

– Что значит оживился? – Придралась Калерия. – Он, что, мёртвый был?

Илья взглянул на лётчика

– Вот вы, Валерьян Львович, что скажете?

Тот пожал плечами, Поля протянула ему яблоко через стол.

– Да, был такой разговор.

Калерия, неподвижно обхватившая бокал, подняла голову и палец.

– Что? – Спросил Илья, отменив собственную реплику, адресованную лётчику.

– Вы слышали?

Поля, сидевшая с открытым ртом и внимавшая Илье, насупилась.

– Ну, хватит. Ты и десять минут назад жаловалась, что тебе слышится что-то.

Она обхватила себя, как дриада над собственным деревом.

– У меня мурашки везде бегают.

Калерия не слушала, глядя в темноту окна. Лётчик заметил, что у неё шевельнулось розовое маленькое ухо под волосами.

– Вы что-нибудь видели? – Обратился Илья к Оленьке и лётчику.

Оля недоумённо приподняла плечо и взяла яблоко, прижав его к щеке.

– Нет...

– Местные разочарованы, – нудил Илья. – Сначала пришли с плотиной и водопроводом, с йодом и ватой... и блаженным медицинским спиртом, – Поля высунула кончик языка, – да-с, пришли.

– А что? – Спросила Поля.

Молчавшая Анастасия заговорила нараспев, тихо и внятно:

– Девочки надрываются на полях, где растут прекрасные, но чудовищные цветы... эти цветы сами не раскрываются, и они должны разнимать острые, как бритва, лепестки своими руками.

Олюшка сурово взглянула на неё:

– Они и раньше надрывались.

– Но раньше Баалзеб так часто не спускался с вершин. – Обыденно ответила Анастасия.

Все замолчали. Вдалеке постучали деликатно калиткой. Илья встрепенулся и, радуясь возможности прекратить разговор о Баалзебе, спускающемся с вершин, – и местные, и те, кого называли «чужаками», не любили таких разговоров, считая их дурной приметой, – помахал рукой – я сейчас – вышел.

Калерия прислушалась. Продолжая слушать, поднялась и выглянула во внешний двор, приоткрыв дверь веранды и напустив холодку, который не понравится кокону в сундуке. Плоховато видно в новолуние, но всё же за тeneвым форпостом живой изгороди мелькнули две фигуры.

– Как наш малыш? – Мягко спросила Анастасия.

Калерия мрачно взглянула на неё.

– Недавно домой не хотел идти. Камень подобрал и показывает мне.

Она занесла руку.

– Недурно. – Мурлыкнула Оля.

– Да, недурно. – Подтвердила Калерия.

– Эта беленькая крошка с толстыми щеками и бессмысленным взглядом зелёных глаз заполнила наши сердца. – Низко склонившись над пустым бокалом, Анастасия выглядела вовсе не грустной.

– Беленькая крошка, гм-м... – Проурчала Оля. – С ней трудно порой, но мы без неё никто. Калерия посмотрела на неё.

– Кто-то, – сказала она, поворачиваясь к лётчику всем телом, – из нас всегда берёт на себя реплики Ильи, когда он выходит.

– Обычно это бываешь ты. – Заметила Оля.

– Где, кстати, он. – Анастасия заботливо отирала виноградный сок со щеки Поленьки.

– Он на вас похож? Ребёнок?

– Да... – Неопределённо согласилась Калерия и посмотрела опять на Олю.

Та сделала жест – молчу.

– Зимой я в конторе работала. Определили его в ясли. Однажды я не могла его ответить. Донесла до прямой дорожки и говорю: «Иди». Машин не было, знаете. Вот он пошёл – я смотрю. Ну, и ушла. Ну, он двинул, и тут с ним по младенчеству... я вовремя не высадила. Так вот, он в ясли не пошёл, а пошёл в контору. Как он помнил, где это, не ведаю. Ну, пришёл и зашёл.

Анастасия, слушавшая с упоением, вмешалась:

– Женщины были в восторге.

– Мы там воды нагрели... но, а потом, как сели за столы, так у всех зубы застучали: как мог двухлетний ребёнок прийти за квартал туда, где был один раз?

– Сильный характер. – Пробормотал внимавший рассказу о штанишках человек со звездой.

– Но вообще-то я дочку хотела.

Анастасия обратилась к сестре:

– Лерик, расскажи нашему новому другу о пророчестве.

Поля ударила ладошкой по столу:

– Не смей! Суеверия тут разводить! Командиру и слушать такое нельзя!

Каля посмотрела на сестру мимо бушующей сестры милосердия и лётчик в который раз подивился, какой немилосердной может быть эта молодая женщина, чья красота воспринималась как ожог. В глубине её души словно лежал чёрный камень и смутно возникал сквозь туман.

– И не подумаю. – Оскорбительно равнодушно процедила она. – Полька в кои-то веки права. Ему не подобает вздор слушать.

Поля захохотала. Анастасия ещё погляделась в зелёные раскосые и непроницаемые глаза сестры и, повернувшись к лётчику, заговорила непринуждённо:

– Так слушайте.

Поля открыла ротик и цоки-цок, закрыла. Каля вопреки тираде молчала угрюмо.

– Нашему крошке однажды цыганка нагадала... вы любите цыган?

– Да. – Его голос звучал искренне. – Они такие свободные... и в тоже время, когда смотришь на их кибитки и яркие платья, чувствуешь опасность.

– Это хорошо и вы всё верно сказали. В нашем городе они редкие гости. Когда малышу было несколько дней от роду, Калерия и Борис прощались на вокзале. Борис склонился над ребёнком на руках Калерии... вот этой, которая сейчас делает вид, будто потеряла слух и дар речи. А как вы видите, сестра моя не совсем дурна...

Лётчик отчаянно и дерзко улыбнулся. Каля хранила ледяное молчание.

– И свояк мой, поверьте, из тех мужчин, на которых женщина взглянет и второй раз...

Лётчик опять попытался ухмыльнуться. Поля брякнула:

– Как вы совсем.

Анастасия выждала, пока лётчик делает вид, будто ему на коленку фея села, потом медленно поднимает мятущийся взгляд и встречается с её спокойным.

– И вот, и вот. Малыш вовсе не испугался отца в новом облике, но Борис снял пилотку, прежде чем поцеловать сына. Тут подходит товарный поезд, распахивается дверца и вываливается, как разноцветное облако, цыганская толпа. Они промахнулись мимо нас, но рядом задержалась очень старая женщина, на редкость величественная, которую вели под оба локтя два сына, тоже уже пожилых. Она посмотрела на этих троих и сказала что-то. Два её сына, похожих на огромных воронов, разом торжественно воззрились на Калерию. Остальное я знаю со слов Бориса.

Она замолчала и несчастный лётчик, задыхавшийся от полноты чувств, характерной для этого дома, проговорил болезненным голосом:

– Умоляю...

Анастасия выразительно глянула на сестру, но Калерия нашла себе занятие: протаскивала сквозь снятое с пальца колечко край скатерти.

– Что ж, я скажу. Цыганка сообщила, что у этого «царевича» родятся три дочери.

– Надо же.

– Первая будет строить дома, вторая – тут непонятно, сам ворон затруднился передать то, что сказала его мать... какие-то волшебные коробочки делать, которые передают мысли на расстояние, а третья будет бездельницей и от безделья подвергнет человеческий род опасности.

– Передовая наука, – вежливо молвил лётчик, – не отрицает, что прошлое и будущее связаны. Но вот коробочки? Похоже на рации стражей порядка.

– Нет, они с картинками будут. Как телевизор.

Поля тоненько привизгнула.

– С ума сойти. А ещё она сказала, что он женится на женщине...

Поля оборвала себя и лётчик, проследив её взгляд над ладошкой, зажавшей рот, убедился, что она смотрит на Олю, девушку со сложной фамилией и детскими чертами бледного лица.

Та будто приподнялась над столом, хотя не вставала. Лётчик несколько раз моргнул. Наверное, сомелье из скромности приуменьшил качества Чёрной Стрелы.

– Конечно, женится. – Снисходительно завершила паузу Ольга. – В вашей семье все примерные.

Поля как-то растерялась и забормотала не в лад:

– Ну да, вот ведь и Калюшка... а малыш-то в неё пошёл.

Лётчик, выслушавший пророчество, несколько раз переспросил подробности. Анастасия умилённо поняла, что этим вполне бесшабашным и знающим себе цену парнем движут отнюдь не только мотивы, связанные со скатертью в колечке. В каждой семье полно такого вздора, доказывающего детскую уникальность, полным-полно многозначительных преданий самого низкого сорта. Тем не менее, небесный гость совершенно искренне заинтересовался пророчеством. Похоже, он уже прикипел к этой семье...

Вечер исчезал, таял, потрескивал в печке за дверью. На утеплённой веранде делалось всё холоднее, синие духи вечера обступали дом, заглядывали в окна. Далеко чувствовалась плывущая к городу луна – пепельный шар, и только белый бивень проступал в черноте.

Все притихли, стали возникать паузы между репликами. Даже Поля задумалась и закатывала глаза к рыжему абажуру.

Каля встала.

– Ну, Илья, видно, на всю ночь пропал... что до крайности невежливо. Пойдёмте, я вас отведу в коттедж с привидениями. Заодно и Поленьку сведём, куда надо.

Поленька протестовать не стала.

– А кто меня домой проводит?

– Я, – вызвалась с нехорошей улыбкой Оля.

У дверей Каля, кое-как закутав плечи в старую серую кофту, которую сняла с нарочного крючка, сделалась совсем уж нестерпимо красивой в этой стираной и штопаной рвани – ни дать ни взять, луна во всём блеске сквозь завистливую тучку.

Эта луна однако имела что-то на уме. Выпустив Валерьяна Львовича в ночной дворик, она ему очень приветливо улыбнулась.

– Я сей секунд... забыла. Ключи...

Она невзначай прикрыла дверь перед лётчиковым носом, но так это вышло – совсем не обидно.

Он растерянно улыбнулся двери и затоптался между каменной раковиной и тёмным переходом во внутренний двор.

Но стены старого дома Аксаковских сложены из хрупкого ракушечника, завезённого в город некогда по ошибке. Волшебный материал хорошо спасает от холода и жары, но плохо сдерживает звуковые частоты.

Да и дверь не закрылась наглухо. А кто-нибудь разве приказал лётчику бежать прочь, зажать уши? Никто.

Валерьян Львович остался, где его пригвоздили слова хозяйки.

И немедленно был вознаграждён за военное послушание. Из проёма двери исходило накопленное вечеринкой душистое тепло, и свет выбивался в полутьму. Заодно оттуда слышались голоса.

Впрочем, слышно было плохо.

Поэтому, уж коли эпизод попал в папку с этой историей, будет справедливым упомянуть, что – теоретически – имелись и более благоприятные места для подслушивания и подглядывания.

И если бы кто-нибудь воспользовался ими, то увидел бы Калерию и Олю в прихожей с печкой, а дверь опять же не прикрыта.

Каля, натягивая рукав разношенной кофты на маленький кулак, замялась:

– Оля, такое дело...

Тут она высвободила кулак и протянула его Оле. В розовой ладони что-то трепетно раскрывалось, похожее на вылупившуюся из кокона бабочку. Но это была не бабочка.

Оля присмотрелась. Умна была госпожа Доннерветтер, но и она присмирела под чарами чудесной вечеринки, подарившей им целого лётчика. К тому же, она была ведь совсем молода, как и все в этом доме.

Поэтому даже этой умной особе понадобилось мгновение, не меньше. Засим другая бы вскрикнула или ахнула. Оленька только подняла пёрышко-бровь.

– Опять живопись.

Каля кивнула. Оля осторожно приняла у неё бабочку.

– Чистая работа. – Заметила она, и выражение её утончённого лица сделалось похожим на выражение сухого и смуглого лица черноглазого работника в таинственном здании на окраине.

Каля фыркнула.

– Чего уж.

– Выросли в профессиональном плане. С виду совсем-совсем настоящая... даже эти золотые полосочки продёрнуты, и портрет прописан.

– Рада, что тебе понравилось. – Сухо поблагодарила Каля. – И всё же это подделка.

– Когда уже накроют эту банду.

В спальне проснулся и заворковал ребёнок. Поля на веранде услышала и немедленно кинулась творить добрые дела.

Она протиснулась между подружками, мельком глянула.

– Опять картинку подсунули?

Каля с оттяжкой промолвила:

– Отчего же? Не подсунули. Мне сегодня жалованье дали. Вот и... пожаловали.

Поля сразу возмутилась и залепетала:

– Сколько тебя учила. Надо говорить «заработная плата». Жалованье это унижительное слово от старого режима. К тому же, я не верю. Ты, Калька, что-то напутала. Тебе, верно, на рынке местные всучили...

Каля надменно дождалась паузы:

– Вот на рынке-то фальшивки и не ходят.

А Оля с угрожающей улыбкой поддержала атаку:

– К тому же, что значит – местные? Ты, амиго, часом, не исповедуешь старорежимные предрассудки?

Поля застыла с открытым розовым ротиком. В спальне опять разговорился малыш. Поля захлопнула врата мудрости и выхватила купюру у юмористки.

– Завтра же схожу в ваш профком и подниму вопрос.

Она удалилась в спальню, демонстративно не обратив внимания на то, что обе девицы расхохотались. Каля – сердито, Оля – расслабленно. Ну и правильно, ведь не ей же... заработную плату фальшивками выдают.

Каля пристально посмотрела в прозрачные олины гляделки.

– Вот что, Олька, гони мне ненарисованную...

Оля сразу смех выключила.

– Не паникуй. – Проворчала и, взяв со спинки стула оставленную сумочку, принялась без энтузиазма возиться с замочком.

Каля свирепо покосилась на шикарную сумочку. Как-то она заявила, мол, туда только что-нибудь из белья влезет. Оля тогда загадочно улыбнулась и потупилась.

Но в сумочку влезали ещё и деньги.

– Чего Илью не подождёшь?

– Тебе неясно? Вызвали его... сама слышала этого Киплинга. Пока, извини, косу заплетёт.

Оля погрозила ей пальчиком.

– Я же сказала – извини. Шевелись, жлуда.

Оля, нимало не обиженная такой наглостью, показала в сторону двери.

– Коттедж сдашь... вот тебе и деньги. Такой фальшивками не расплатится.

Каля возмутилась:

– Сей секунд выжимать из человека деньги?

Оля кивнула.

– А я не человек. Ясно.

Она протянула Кале бумажку другого, нежели выданная в счёт жалованья, цвета, радужную и нарядную.

Каля вспыхнувшими зелёными глазами так и съела бумажку, но рука её не шевельнулась.

– Ну, Олька, ты что?

Та покачала головой – поощряюще.

– У меня мельче нету. Я тоже заработную плату, видишь ли, получила.

Каля схватила и не удержалась, поднесла купюру к свету, пробивавшемуся с веранды. Оля захихикала. Каля чуть смутилась, спрятала купюру в карман кофты. Из спальни донёлся отчаянный вскрик:

– Наследничек! Ты что, ангельчик мой, творишь?

Оля переглянулась с хозяйкой. Каля облегчённо вздохнула.

– А ну, подь сюды. – Негромко молвила она.

В спальне обморочно молчали.

Наконец, появилась Поля, держа проснувшегося розового малыша на локте правой, а в левой руке у неё подрагивала купюра.

– Не знаю, как он успел... там на тумбочке Илюша карандаши оставил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.